Ш-Н. Р. ЦЫДЕНЖАПОВ

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ СТАРОПИСЬМЕННОГО МОНГОЛЬСКОГО ЯЗЫКА

Академия наук СССР
Сибирское отделение
Бурятский научный центр
Институт общественных наук

Министерство народного образования
Бурятской АССР

Ш-Н. Р. ЦЫДЕНЖАПОВ

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ СТАРОПИСЬМЕННОГО МОНГОЛЬСКОГО ЯЗЫКА

Улан-Удэ
Бурятское книжное издательство
1990

ББК 81.2 Мон.
Ц 946

Ответственный редактор

д-р филол. наук Л. Д. Шагдаров

Рецензенты:

д-р филол. наук Ц. Б. Будаев,
канд. педагог. наук Д. Д. Ошоров,
канд. филол. наук Е. К. Скрибник

Цыденжапов Ш-Н. Р.

Ц 946 Фразеологизмы старописьменного монгольского языка.—Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1990.—116 с.

ISBN 5—7411—0488—6

В монографии впервые освещены фразеологизмы уникальных памятников старомонгольской литературы, разработаны актуальные проблемы изучения языковых единиц, охарактеризованы их типы на основе применения логического метода классификации признаков понятия.

Книга рассчитана на монголоведов, преподавателей и студентов вузов, учителей, журналистов и писателей.

Ц $\frac{4602020400—091}{М122(03)}$ Без объявл. ББК 81.2 Мон

ISBN 5—7411—0488—6

ВВЕДЕНИЕ

В предлагаемой работе сделана попытка описать фразеологию старописьменного монгольского языка, которая до сих пор была мало исследована.

Основной фразеологический материал извлечен из дидактических произведений старописьменной монгольской литературы. Выбор этих произведений в качестве основных источников обусловлен следующими причинами.

Во-первых, в целях конкретности и компактности исследования необходимо было ограничиться материалом одного определенного жанра старописьменной монгольской литературы, фразеологическое богатство которой невозможно охватить целиком даже в десятках исследований.

Во-вторых, дидактические произведения содержат более разнообразные типы фразеологизмов по сравнению с другими жанрами старописьменной монгольской литературы. Так, в них в большом количестве наличествуют фразеологизмы пословично-поговорочного вида, которые значительно реже встречаются в последних.

В-третьих, указанные произведения по сравнению с другими жанрами являются наименее изученными в языковом отношении. Кроме того, для сравнительного анализа изучаемого объекта в незначительном количестве приведены фразеологизмы из религиозно-буддийских трактатов и сказок, бытующих на старописьменном, современном бурятском и монгольском языках.

В работе использованы труды советских языковедов В. В. Виноградова, Н. М. Шанского, Б. Я. Владимирцова, Т. А. Бертагаева, Г. Д. Санжеева, Д. А. Алексеева, А. А. Дарбеевой, Ц. Б. Будаева, Г. Ц. Пюрбеева и других, а также труды языковедов Монгольской Народной Республики Ш. Лувсанвандана, Б. Ринчена, Ч. Лувсанжава, Э. Вандуя, З. Тумурцэрэна и других.

За последние десятилетия появился ряд работ по изучению фразеологии монгольских языков.

К числу крупных в этой области монгольского языкознания относятся исследования проф. Т. А. Бертагаева[1], Г. Ц. Пюрбеева[2], Ц. Б. Будаева[3] и Ч. Лувсанжава[4].

Впервые этой проблеме посвятил специальную статью «Об устойчивых фразеологических выражениях» (на материале современного бурят-монгольского языка) проф. Т. А. Бертагаев. При характеристике и классификации фразеологических оборотов автор уделяет основное внимание их грамматической структуре. По структуре и функциональным признакам фразеологические обороты бурятского языка Т. А. Бертагаев подразделяет на две основные группы: 1) фразеологические сочетания, 2) фразеологические речения[5]. Работа содержит ценные наблюдения и выводы по многим вопросам бурятской фразеологии, в частности, по определению ее предмета и объема.

В кандидатской диссертации монгольского ученого Ч. Лувсанжава большое внимание уделяется этимологическому изучению фразеологических оборотов. Путем глубокого и всестороннего анализа автор устанавливает и объясняет появление многих фразеологических оборотов в монгольском языке. Кроме того, фразеологизмы современного монгольского языка освещены с точки зрения их лексического состава, семантической слитности и синтаксических функций.

Ч. Лувсанжав подразделяет фразеологические обороты монгольского языка по степени семантической слитности значения на две основные группы: 1) целостные (бүтэн буюу төгс өвөрмөц хэллэг), 2) частичные (заримдаг өвөрмөц хэллэг).

В кандидатской диссертации Г. Ц. Пюрбеева «Глагольные фразеологические единицы в монгольских языках», а также в его монографии «Глагольная фразеология монгольских языков» в сравнительном плане освещены глагольные фразеологические обороты монгольского, бурятского и калмыцкого языков. Здесь рассмотрены такие актуальные проблемы монгольского языкознания, как отражение фразеологических единиц в национально-русских словарях монгольских языков; общие и частные вопросы глагольных фразеологических оборотов в монгольских языках; многозначность этих оборотов.

Г. Ц. Пюрбеев подразделяет глагольные фразеологические единицы монгольских языков на два основных класса;

1) класс идиоматических сочетаний, или идиомы, 2) класс фразеологических сочетаний, или фраземы[6]. По его мнению, эти группы фразеологических оборотов отличаются друг от друга по характеру соотношения общего значения и семантики составляющих, наличию или отсутствию метафоричности.

В работе Ц. Б. Будаева «Фразеология бурятского языка» основное место занимает изучение фразеологии в диахронном плане. Привлекая сравнительный фразеологический материал из бурятского, древнетюркского и старописьменного монгольского языков, автор сделал попытку показать происхождение и развитие некоторых фразеологизмов бурятского языка. При выделении видов изучаемого объекта он применяет классификацию фразеологических оборотов русского языка, предложенную акад. В. В. Виноградовым и переработанную Н. М. Шанским[7].

Таким образом, языковеды проделали большую и нужную работу по изучению фразеологических оборотов монгольских языков. Их исследования имеют важное значение для дальнейшего развития этого раздела монгольского языкознания. В них выражены разные мнения при решении некоторых проблем фразеологии монгольских языков, например, при видовой классификации фразеологических оборотов. Это объясняется тем, что фразеологические единицы монгольских языков не освещены еще полностью в лингвистической литературе и находятся в стадии разработки.

Наблюдается большой разнобой и в области терминологии монгольской фразеологии. В качестве обозначения родовых и видовых понятий изучаемого объекта мы использовали термины, получившие наибольшее признание: фразеологизм, фразеологический оборот, фразеологическая единица; фразеологическое сращение, фразеологическое единство, фразеологическое сочетание и фразеологическое выражение.

В дидактических произведениях старописьменного монгольского языка встречается большое количество фразеологических оборотов. Между тем этот богатый фразеологический материал остается совершенно не исследованным, в связи с чем, по нашему мнению, необходимо осветить следующий круг вопросов:

а) установить предмет и объем фразеологии дидактических произведений;

б) определить признаки фразеологических оборотов дидактических произведений;

в) выявить взаимоотношение фразеологических оборотов дидактических произведений со смежными с ними единицами языка;

г) охарактеризовать образование и развитие фразеологических оборотов дидактических произведений;

д) описать состав фразеологического фонда дидактических произведений.

В настоящее время в лингвистической науке нет единого мнения относительно объема фразеологии. В частности, при установлении объема фразеологии русского языка «в современной лингвистической литературе определилось два основных направления.

Представители одного направления (Б. А. Ларин, С. И. Ожегов, А. Г. Руднев и другие) к фразеологическим относят только такие эквивалентные слову семантические единицы более сложного порядка, которым присуще семантическое обновление и метафоризация. Из области фразеологии исключаются пословицы, поговорки, многие цитаты и почти все сложные термины, то есть все те словосочетания, которые не превратились еще в лексически неделимые обороты, не получили переносно-обобщенного значения, не стали метафорическими сочетаниями.

Иного мнения придерживаются такие ученые, как Л. А. Булаховский, А. А. Реформатский, А. И. Ефимов, Е. М. Галкина-Федорук, Н. М. Шанский, В. Л. Архангельский и другие. Наряду с собственно фразеологическими оборотами во фразеологию они включают «пословично-поговорочные выражения, цитаты, ставшие крылатыми выражениями, сложные термины»[8].

Аналогичные разногласия по этому вопросу существуют между лингвистами, изучающими монгольские языки. Так, проф. Т. А. Бертагаев в состав фразеологии включает поговорки, пословицы, афоризмы и пр.[9], которые Г. Ц. Пюрбеев не считает фразеологическими единицами[10].

На наш взгляд, предмет и объем фразеологии должны определяться в зависимости от понятийных признаков фразеологических оборотов, характеризующих их сущность.

Такими признаками фразеологических оборотов, в частности, дидактических произведений, являются их воспроизводимость из памяти в готовом виде и наличие в их соста-

ве не менее двух знаменательных слов, поэтому предмет изучения фразеологии дидактических произведений должны составить сочетания, состоящие не менее чем из двух знаменательных слов и обладающие воспроизводимостью.

В данной работе в состав фразеологии дидактических произведений в зависимости от понятийных признаков включаются следующие сочетания слов и выражения:

а) составные названия, в том числе термины и перифразы: **боди мүр**—путь к добродетельности, **дүрбэн тиб**—четыре стороны мифической горы Сумбэр, **джүб ном-ту** —правоверный (букв. с правильной книгой), **буругу ном-ту** —иноверец (букв. с неправильной книгой), **гурбан ердени** — обобщенное название бога, духовенства и почитателей (букв. три сокровища), **ном-ун чинар**—идея буддизма (букв. качество буддизма), **ном-ун йосун**—правила буддизма, **тнгри-йин күбегүн**—перифраз Чингисхана (букв. сын неба), **хари дайисун**—чужеземный враг, **үкер харийачаи**—касатка (букв. корова-ласточка) и др.;

б) описательные глагольные сочетания, в том числе перифразы: **үр чайиху** — букв. белеть рассвету, **алага-бан хамтудхаху**—помолиться (букв. соединить ладони);

в) парные слова, состоящие из двух знаменательных слов: **сайин магу**—всякий (букв. хорошее, плохое), **бүджиг нагадун**—спектакль, игра, **ои моду**—лес (букв. лес, дерево), **үйиле керег** — дело, дела (букв. действие, дело), **шашин түрү**—религия (букв. религия, государство), **сүме субурга**—храм (букв. церковь, часовня), **набчи чечег** — лист (букв. лист, цветок), **арики тамаки** — вино (букв. водка, табак), **арга билиг** — умение (букв. средство, способность), **ойира хола** — разные местности (букв. близко, далеко);

г) изречения пословично-поговорочного типа: **Арслан бүгелджисүн-ийэн үлү идекү, сайин күмүн үге-бен үлү урабаху** — Лев не будет есть свою рвоту, а хороший человек не будет отказываться от своих слов; **Хатагу седкил джида, хара санага хоора** — Жестокое сердце — штык, а чер-

---

*В настоящей работе для отображения старомонгольских слов применена транслитерация проф. Г. Д. Санжеева, приведенная им в книге «Старописьменный монгольский язык» (М., 1964). При этом из-за отсутствия технической возможности отразить печатным способом все элементы данной транслитерации нами использованы вместо ее некоторых знаков буквы бурятского алфавита.

ная мысль — яд; **Аму абугсан тангариг-и ами мету саки** — Принятую клятву береги как свою жизнь; **Олан мунхаг арад-и сургагсан — ача гагча бейе-бен сургагсан сайин** — Лучше учить одного себя, чем учить множество глупых людей.

Совокупность подобных сочетаний составляет объем фразеологии дидактических произведений.

В отличие от некоторых авторов[11] в состав фразеологии нами не включены интенсивы типа **уб улаган** — очень красный, наличествующие в использованных источниках, так как некоторые из их компонентов в отдельности не обладают лексической самостоятельностью.

Не стали объектами нашего исследования загадки, стихи, благопожелания, молитвы, встречающиеся в дидактических произведениях по той причине, что они имеют характер нарочитого повторения или цитирования, тогда как существование фразеологизмов «...в качестве реальных единиц языка основано именно на их постоянном воспроизведении»[12].

Кроме того, мы придерживаемся позиции Ц. Б. Будаева относительно того, чтобы не причислять к фразеологическим единицам «собственносложные и парные слова, одни из компонентов которых не обладают самостоятельным значением. Например, **арга хурга** — средства, возможности, **буу шуу** — ружье, **бэлэг сэлэг** — подарок, **саахар маахар** — сахар и пр.»[13].

Дидактические произведения (сургалы) составляют один из распространенных жанров старописьменной монгольской литературы. В изучении этого жанра принимали участие ученые Б. Лауфер[14], Ц. Дамдинсурэн[15], Г. М. Михайлов[16], Ш. Нацагдорж[17], Д. Цэрэнсодном[18] и др.

Самое раннее дидактическое произведение на старописьменном монгольском языке, по мнению монгольского ученого МНР Д. Цэрэнсоднома, относится к XIV в.[19].

Вопрос о происхождении данного вида старописьменной литературы еще недостаточно освещен в монгольской филологии. Можно предполагать, что на его возникновение оказали воздействие тибетско-санскритские переводные дидактические произведения и другие жанры старомонгольской литературы, существовавшие до их появления. К переводным с санскритского и тибетского языков дидактическим произведениям относятся, например, Ердени-йин санг суба-

шиди» — «Сокровищница драгоценностей — Субашид», «Арад-и теджигекүи дусул кемекү шастир—«Капля, питающая народ».

Тем не менее подавляющее большинство дидактических произведений старописьменной литературы имеет исконно монгольское происхождение. Время их создания относится к XIV в. и продолжается до начала XX в. Дидактические произведения были распространены во всех регионах монголоязычного мира. Они могли иметь стихотворную и прозаическую форму. Например, двустишия «Субашида» содержат строго соблюдаемый ритм, а изречения «Ойун түлкигүр» — «Ключ разума» не обладают единой ритмико-организационной структурой.

Произведения названного жанра имеют нравоучительный характер; в них излагаются советы, правила, наставления, мораль, необходимые в практической жизни людей. В большинстве своем они не имеют единого сюжета и композиции, состоят из отдельных изречений, которые как бы существуют независимо друг от друга.

---

[1]Бертагаев Т. А. Об устойчивых фразеологических выражениях// Сб. тр. по филологии. —Улан-Удэ, 1949.—Вып. 2.—С. 64-119.

[2]Пюрбеев Г. Ц. Глагольная фразеология монгольских языков.—М., 1972.

[3]Будаев Ц. Б. Фразеология бурятского языка.—Улан-Удэ, 1970.

[4]Ч. Лувсанжав. Монгольская фразеология. Автореф. дис. канд. филол. наук.—Будапешт, 1966.

[5]См.: Бертагаев Т. А. Об устойчивых фразеологических выражениях. —С. 66-67.

[6]См.: Пюрбеев Г. Ц. Глагольная фразеология монгольских языков. —С. 47.

[7]См.: Будаев Ц. Б. Фразеология бурятского языка. —С. 10—19.

[8]Валгина Н. С., Розенталь, Д. Э., Фомина М. И., Цапукевич В. В. Современный русский язык.—М., 1966.—С. 42.

[9]См.: Бертагаев Т. А. Об устойчивых фразеологических выражениях. —С. 67.

[10]См.: Пюрбеев Г. Ц. Глагольные фразеологические единицы в монгольских языках: Дис. канд. филол. наук.—М., 1969.—С. 34.

[11]См.: Муратов С. Н. Устойчивые словосочетания в тюркских языках. —М., 1961.—С. 109-112.

[12]Смирницкий А. И. Объективность существования языка.—М., 1954. —С. 21-22.

[13]Будаев Ц. Б. Фразеология бурятского языка.—С. 5.

[14]Лауфер Б. Очерк монгольской литературы. —Л., 1927. —1. 70.

[15]Дамдинсурен Ц. Субашид.—Улан-Батор, 1958.—С. 3-20.

[16]Михайлов Г. М. Литературное наследство монголов.—М., 1969.

[17]Нацагдорж Ш. То Ван, түүний сургаал.—Улан-Батор, 1968.

[18]Цэрэнсодном Д. Турфаны цуглуулгын 2-р дэвтэр.—Улан-Батор, 1970.

[19]См.: Цэрэнсодном Д. Указ. соч.—С. 40.

Следует подчеркнуть, что дидактические произведения имеют более светский характер, чем некоторые другие жанры старописьменной монгольской литературы, хотя и в них иногда встречаются фразеологизмы, пропитанные религиозно-буддийским, антинародным содержанием, ибо на этот жанр средневековой монгольской литературы оказала влияние идеология класса церковных и светских феодалов.

ГЛАВА I

ПРИЗНАКИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБОРОТОВ

В формальной логике известны различные виды классификаций признаков понятия. Некоторые из них учтены в данной работе. Мы пользуемся терминами, известными в указанной области науки.

В решении основных задач нашего исследования выявлены критерийные, некритерийные, необходимые и произвольные признаки фразеологических оборотов.

Критерийные признаки отличают фразеологические обороты от смежных им единиц языка.

Некритерийные признаки не создают отличий фразеологических оборотов от смежных им единиц языка.

Необходимые признаки, как правило, имеются у всех фразеологических единиц.

Произвольные признаки могут наличествовать или отсутствовать у отдельных видов фразеологических оборотов.

Признаки фразеологических оборотов встречаются в их определенной совокупности. Так, необходимые и произвольные признаки могут быть критерийными или некритерийными, так как они являются взаимодополняющими признаками. Разумеется, необходимый признак не может образовать совокупность с произвольным, как и критерийный с некритерийным, ибо это взаимоисключающие признаки.

Итак, все признаки фразеологических оборотов в зависимости от указанных особенностей подразделяются на следующие группы:

а) критерийные и необходимые признаки, составляющие совокупность и определяющие сущность фразеологических оборотов, которые предварительно можно назвать понятийными признаками;

б) некритерийные и необходимые признаки, составляющие совокупность и показывающие отношение фразеологических оборотов к их родовому понятию, которые предварительно можно назвать родовыми признаками;

в) некритерийные и произвольные признаки, составляющие совокупность и создающие разнохарактерность, следовательно, разновидность фразеологических оборотов, которые предварительно можно назвать видовыми признаками;

г) критерийные и произвольные признаки, составляющие совокупность и вытекающие из понятийных признаков фразеологических оборотов, которые предварительно можно назвать производными признаками.

В целях наглядности логическую классификацию признаков понятия поясним на примере квадрата, у которого выявляются четыре группы признаков, как и у фразеологических оборотов.

К первой группе относятся признаки наличия у квадрата прямых углов и равных сторон, отличающие квадрат от смежных ему понятий: ромба, прямоугольника и параллелограмма и вместе с тем составляющие его необходимую часть, без которой квадрат не существовал бы как данное понятие. Они раскрывают понятийную сущность квадрата, поэтому их можно назвать его понятийными признаками.

Ко второй группе относится признак наличия у квадрата четырех углов. Этим признаком, кроме квадрата, обладают все четырехугольники: ромб, параллелограмм и прямоугольник.

Данный признак не создает отличие квадрата от смежных ему понятий, поэтому он является некритерийным, непонятийным. Однако при отсутствии указанного признака не существовал бы квадрат как разбираемое понятие. Вот почему рассматриваемый признак является необходимым. Благодаря наличию этого признака квадрат проявляет себя как один из видов более широкого по отношению к нему родового понятия «четырехугольник». Потому-то его можно назвать родовым признаком квадрата.

К третьей группе относится признак наличия у квадрата какого-то определенного размера площади. По размеру площади могут быть одинаковыми с квадратом смежные ему четырехугольники: ромб, параллелограмм и

прямоугольник, поэтому этот признак не отличает квадрат от смежных ему четырехугольников и является некритерийным. Кроме того, указанный признак не в равной мере присущ единицам изучаемого объекта, входящим в одну понятийную группу. Например, одни квадраты могут иметь большие размеры площади, чем другие. Ввиду этого данный признак является произвольным.

Далее, так как указанный признак образует разнохарактерность и неравномерность среди единиц изучаемого объекта, выделяя их разновидности, его можно назвать видовым признаком квадрата. Именно такой признак является основой для деления на виды единиц рассматриваемого понятия.

К четвертой группе относится признак наличия у квадрата равных диагоналей. По этому признаку квадрат отличается от ромба и параллелограмма. Между тем квадрат может иметь и не иметь диагонали. Сущность понятия «квадрат» от этого не меняется. Следовательно, указанный признак является критерийным и произвольным. Ввиду того, что он зависит и исходит из понятийных признаков разбираемого объекта, имея побочный характер, его можно назвать производным признаком квадрата.

Итак, мы можем сделать следующие выводы.

1. Для определения и систематизации признаков изучаемого объекта следует рассматривать его в сравнении со смежными и родственными ему понятиями, входящими вместе с ним в одну понятийную группу.

2. На основе учета совокупностей необходимых, произвольных, критерийных и некритерийных признаков рассматриваемого понятия можно выделить четыре основные группы признаков: а) понятийные; б) родовые; в) видовые; г) производные.

3. Понятийные и родовые признаки составляют существенную характеристику или сторону исследуемого элемента. При их отсутствии изучаемый объект не существовал бы как само понятие.

4. Видовые и производные признаки могут быть неравномерно распределены среди отдельных единиц разбираемого понятия. Понятийная сущность изучаемого объекта не зависит от их наличия или отсутствия.

5. Классификация, или деление на виды, единиц исследуемого понятия должно совершаться по его видовым признакам, которые являются несущественными, потому

что такие признаки образуют условия для классификации, создавая разнохарактерность и разновидность среди единиц рассматриваемого понятия. В данном случае мы не согласны с мнением, которое существует у отдельных авторов, что классификация на виды должна производиться по существенным признакам предметов, потому что упоминаемые признаки в равной и одинаковой степени бывают присущи всем единицам изучаемого объекта, они не создают видовые различия, а наоборот, образуют сходства между отдельными видами.

В этом случае образцовой является классификация химических элементов по их видовым признакам, составленная знаменитым русским ученым Д. И. Менделеевым при разработке им «Периодической системы».

6. Понятийную сущность предмета можно определить не только путем выделения какого-нибудь одного отдельного признака, но и при учете комплекса различных признаков. Например, понятийную сущность квадрата составляют признаки наличия у него прямых углов и равных сторон.

7. Понятийные признаки предмета могут составлять совокупность признаков родственных и смежных ему понятий, входящих вместе с ним в одну понятийную группу. Так, понятийные признаки квадрата, состоящие в наличии у него прямых углов и равных сторон, имеются у прямоугольника и ромба. Благодаря наличию у него прямых углов квадрат является одинаковым с прямоугольником и отличается от ромба, а его равные стороны создают сходство с ромбом и различие с прямоугольником.

8. Определение или сжатая характеристика изучаемому объекту дается на основе учета его понятийных признаков.

9. По-видимому, классификация признаков предмета путем выявления у него критерийных, некритерийных, необходимых и произвольных качеств и учета их определенных совокупностей приемлема всем понятиям действительности, в том числе объектам языка. Поэтому у фразеологических оборотов и разновидностей геометрических фигур четырехугольников (ромб, параллелограмм, прямоугольник, квадрат) выделяются аналогичные признаки.

ПОНЯТИЙНЫЕ ПРИЗНАКИ

В определении сущности фразеологических оборотов большую роль играет исследование их понятийных признаков. Лингвистами рассматриваются семантические, лексико-грамматические и стилистические стороны фразеологических оборотов как «единое целостное значение сращений и единств и аналитическое значение сочетаний (В. В. Виноградов), цельность номинации (О. С. Ахманова), семантическая монолитность, обобщающее метафорическое значение (С. И. Абакумов), семантическая цельность, идиоматичность (А. И. Смирницкий), цельное представление, прибавочное значение (Б. А. Ларин) и т. п.»[1]. В качестве главного, дифференциального признака выдвигались непереводимость на другие языки (Л. А. Булаховский, А. А. Реформатский), образность (А. И. Ефимов, В. Ф. Рудов, Ю. Р. Гепнер), сочетаемость лексем и семем (М. М. Копыленко), внутрикомпонентные связи (В. Л. Архангельский) и т. д.

В данной работе, учитывая специфику разбираемого материала, мы будем придерживаться взглядов Н. М. Шанского[2], С. Г. Гаврина[3] и др., которые в качестве понятийных признаков фразеологических оборотов называют признак их воспроизводимости из памяти в готовом виде и признак наличия в их лексико-грамматической структуре не менее двух знаменательных слов.

Особое внимание обращается на тот факт, что фразеологические обороты в своем происхождении и существовании имеют общую тенденцию, направленную в их развитии от свободных словосочетаний и предложений к словам. Вот почему фразеологические обороты представляют собой смежную и промежуточную лексико-грамматическую категорию между основными единицами языка: словосочетаниями и предложениями, с одной стороны, и словами—с другой, что нашло отражение в следующем: фразеологический оборот как языковая единица обладает совокупностью различных понятийных признаков, отчасти, присущей словосочетаниям и предложениям, а также свойственной словам.

Одним из понятийных признаков фразеологических оборотов является то, что они имеют лексико-грамматический состав, образованный сочетанием не менее двух знаменательных слов. Так, фразеологические обороты

түйимер алдаху — пустить пожар (букв. уронить огонь), **ама алдаху** — клясться (букв. уронить рот) и **үге-дүр оруху** — послушаться (букв. входить в слова) состоят из существительных и глаголов. В отличие от них отдельные знаменательные и служебные слова, сочетания двух и более служебных слов между собой, а также сочетания одного и более служебных слов с одним знаменательным словом не являются фразеологизмами, так как отдельные знаменательные слова — это объекты исследования лексики.

В то же время отдельные служебные слова или их сочетания не представляют единицу фразеологии по той причине, что являются грамматическими показателями отдельных слов и не обладают лексической самостоятельностью. Поэтому-то сочетания одного или двух служебных слов с одним знаменательным словом также не будут объектами исследования фразеологии и рассматриваются в языкознании как одно слово с его грамматическими изменениями.

Следующим понятийным признаком фразеологических оборотов является воспроизводимость, то есть фразеологический оборот извлекается из памяти в готовом виде, а не вновь организуется в процессе речи как свободные сочетания слов в предложении. Например, фразеологический оборот **ама алдаху** (клясться) постоянно повторяется в одной и той же лексико-грамматической структуре.

Важность признака воспроизводимости в существовании фразеологических оборотов не раз упоминалась в исследованиях крупнейших знатоков фразеологии В. В. Виноградова[4]. Т. А. Бертагаева[5], Н. М. Шанского[6] и др. Например, Н. М. Шанский пишет, что «основным свойством фразеологического оборота, коренным образом отграничивающим его от свободного сочетания слов и в то же время сближающим со словом, является воспроизводимость»[7].

Воспроизводимость определяет лексическую сторону фразеологических оборотов. В частности, наличие фразеологических архаизмов, неологизмов и историзмов, а также активность и пассивность употребления фразеологических оборотов характеризуют различные степени признака воспроизводимости. О непосредственной взаимосвязанности и взаимообусловленности признака воспроизводимости с активностью и пассивностью употребления фразеологических оборотов свидетельствует тот факт, что переход фразеологических оборотов в архаизмы или историзмы сопровож-

дается утратой ими воспроизводимости, а появление фразеологических неологизмов сопровождается возникновением у них воспроизводимости.

Признаки фразеологических оборотов представляют собой совокупность признаков словосочетаний и предложений, с одной стороны, а слов—с другой. Во-первых, в отношении лексико-грамматической структуры, состоящей не менее чем из двух знаменательных слов, фразеологические обороты одинаковы со словосочетаниями и предложениями и отличаются от слов. Во-вторых, по воспроизводимости фразеологические обороты, напротив, не отличаются от слов, но отличаются от словосочетаний и предложений.

Указанная особенность фразеологических оборотов говорит о том, что фразеологизмы в своем историческом происхождении и развитии в человеческой речи как наиболее сложные языковые образования появились позже по времени, чем слова, словосочетания и предложения.

Итак, после того, как были выявлены понятийные признаки фразеологических оборотов, мы можем дать им определение, которое должно заключаться в краткой характеристике изучаемого предмета.

Таким образом, фразеологическим оборотом называется лексико-грамматическая речевая единица, состоящая не менее чем из двух знаменательных слов и обладающая воспроизводимостью.

РОДОВЫЕ ПРИЗНАКИ

Эти признаки, как и понятийные, являются общими для всех видов фразеологических оборотов, но в отличие от них не обладают критерийностью, то есть не отграничивают фразеологические обороты от смежных им единиц языка: словосочетаний, предложений и слов.

Как показывают примеры, родовые признаки фразеологических оборотов возникают вместе с образованием их основной лексико-грамматической структуры, когда они находятся на первой стадии своего развития.

Далее, рассмотрим некоторые родовые признаки фразеологических оборотов.

1. Одним из родовых признаков фразеологических оборотов является актуальность выражаемого ими общего или целостного значения в данную историческую эпо-

ху, то есть полезность и необходимость их предметно-называного и поучительно-воспитательного значения в социально-практической жизни общества[8]. При наличии такого признака фразеологический оборот является постоянно воспроизводимым, а при его утрате, он переходит в разряд историзмов и архаизмов и может совсем исчезнуть из фразеологического фонда языка, утратив при этом воспроизводимость.

Такой признак возникает у фразеологических оборотов вместе с их лексико-грамматической структурой тогда, когда они находятся на первой стадии своего развития, до появления у них признака воспроизводимости, и являются словосочетаниями и предложениями.

В данном случае следует различать актуальность общего или целостного значения словосочетаний и предложений, с одной стороны, фразеологических оборотов —с другой. Первые являются актуальными в общем или целостном значении для определенного контекста и конкретного промежутка времени или момента; вторые—обладают актуальностью общего или целостного значения, характерного для данной исторической эпохи. Именно благодаря наличию у них признака актуальности общего или целостного значения, свойственного данной исторической эпохе, некоторые из словосочетаний и предложений выделяются из других и превращаются во фразеологические обороты.

Кроме того, признаком актуальности общего или целостного значения, как и фразеологические обороты, обладают слова, которые при наличии у них такого признака воспризводимы в языке, а при его утрате исчезают из него или становятся архаизмами и историзмами.

Так, из-за наличия этого признака у слов, словосочетаний и предложений актуальность общего или целостного значения фразеологических оборотов не является их критерийным признаком, отграничивающим от смежных им единиц языка, но будет их необходимым и некритерийным признаком.

2. Другим родовым признаком фразеологических оборотов является единство их общего или целостного значения. Такая характерная особенность возникает на первой стадии развития фразеологических оборотов, до появления у них признака воспроизводимости, когда слова, вступа-

ющие в подобные сочетания, в совокупности выражают одно понятие или мировоззрение.

Далее, признаком единства общего или целостного значения, кроме фразеологических оборотов, обладают слова, словосочетания и предложения, поэтому он является некритерийным и необходимым признаком фразеологических оборотов.

3. Наличие во фразеологическом обороте внутренней и внешней формы составляет устойчивость лексико-грамматической структуры фразеологического оборота, так как существование любой формы имеет потенциальную возможность сопротивляться ее изменению и сохранять свою структуру. Следовательно, фразеологические обороты, как словосочетания и предложения с относительно твердым порядком в последовательности компонентов не допускают произвольного изменения их лексического состава. Кроме того, отдельные слова со стороны их фонетико-смысловой структуры обладают постоянством внешней и внутренней формы.

Так как кроме фразеологических оборотов таким признаком обладают слова, словосочетания и предложения, устойчивость структуры не является критерийным признаком фразеологических оборотов, а является некритерийным и необходимым. Между тем устойчивость структуры фразеологических оборотов и слов отличается от такового признака словосочетаний и предложений тем, что устойчивость структуры фразеологических оборотов и слов многократно воспроизводима, а не моментально разложима, как у словосочетаний и предложений.

ВИДОВЫЕ ПРИЗНАКИ

Такие признаки фразеологических оборотов в отличие от понятийных и родовых характеризуют лишь отдельные разновидности и стороны рассматриваемого материала и не могут охватывать и освещать в целом весь изучаемый объект во всем его объеме и содержании.

Указанные признаки создают возможность для видовой классификации фразеологических оборотов. В зависимость от наличия и отсутствия этих признаков сущность фразеологических оборотов не меняется, тогда как при исчезновении и изменении понятийных и родовых приз-

наков фразеологические обороты могут претерпевать существенные преобразования.

Как было сказано выше, рассматриваемые признаки одновременно являются некритерийными и произвольными. К ним относятся следующие признаки фразеологических оборотов, имеющие указанные особенности.

1. Под семантической слитностью фразеологических оборотов подразумевается смысловая цельность их лексического состава. В данном случае фразеологизмы, как и слова, слобосочетания и предложения, представляют собой законченную смысловую единицу. Например, слова **йосун** (правило) и **еджен (хозяин)** в отдельности — это обозначения двух различных предметов, но в составе устойчивого сочетания **йосун-у еджен** (букв. хозяин правил) каждое из них теряет свое буквальное значение, и в совокупности употребляются в одном значении «Будда».

Ввиду того, что рассматриваемой особенностью, кроме фразеологических оборотов, обладают слова, словосочетания и предложения, семантическая слитность не является критерийным и необходимым признаком фразеологических оборотов, так как она неравномерно распределена между отдельными разновидностями фразеологических оборотов, а отсюда—семантическая слитность является некритерийным и произвольным признаком фразеологических оборотов.

Первую классификацию фразеологических оборотов по степени их семантической слитности разработал акад. В. В. Виноградов[9]. Он выделил три основных вида фразеологических оборотов русского языка: фразеологические сращения, фразеологические единства и фразеологические сочетания. Позднее Н. М. Шанский добавил еще одну группу — фразеологические выражения[10].

Что же представляет собой каждый из этих разрядов? Им можно дать следующие характеристики:

а) фразеологическими сращениями называются такие семантически нечленимые эквиваленты знаменательных слов, в которых их общее значение не выводится из значений составляющих их слов;

б) фразеологические единства являются семантически нечленимыми эквивалентами знаменательных слов, в которых их общее значение в какой-то степени мотивируется значениями составляющих их слов;

в) фразеологические сочетания в отличие от двух предыдущих разрядов семантически членимы и имеют в своем лексическом составе слова как со свободным употреблением, так и со связанным. Одни из компонентов фразеологических сочетаний употребляются в своих первоначальных значениях, другие—в переносных;

г) фразеологические выражения — это семантически членимые сочетания, образованные из слов со свободными значениями.

Подобную классификацию фразеологических оборотов русского языка со стороны их семантической слитности применительно к материалу дидактических произведений старомонгольского письменного языка можно несколько видоизменить.

Так, среди собранных нами фразеологических оборотов нетрудно выделить по их семантической слитности фразеологические единства, фразеологические сочетания и фразеологические выражения.

Вместе с тем фразеологизмы, аналогичные фразеологическим сращениям русского языка, в дидактических произведениях нами не обнаружены.

Далее, рассмотрим подробно каждую из этих групп фразеологических оборотов:

а) фразеологические единства дидактических произведений имеют семантически слитный и нечленимый по своему значению лексический состав и характеризуются тем, что общее значение указанных оборотов не выводится из отдельных лексических значений их компонентов. Это объясняется тем, что общее значение всего лексического состава фразеологических единств переосмыслено. Например, к разбираемому виду фразеологизмов относятся сочетания **үгелиге-йин еджен** — мирянин (букв. хозяин милостыни), **буйан-у садун**—монах (букв. родственник добродетельности), **нигур хараху**—льстить (букв. смотреть на лицо) и др.

Данные фразеологизмы не допускают произвольных изменений порядка и состава их компонентов, сокращения или увеличения их размера путем прибавления или убавления количества слов. Они встречаются в дидактических произведениях старомонгольского письменного языка в одном и том же виде, без изменений;

б) фразеологические сочетания имеют семантически членимые значения компонентов. Одни из составляющих

элементов данных фразеологизмов употребляются в переносных и семантически ограниченных значениях, другие —в прямых. Семантическая ограниченность значения компонентов указанных фразеологизмов характеризуется тем, что вне лексического состава рассматриваемых оборотов в подобных значениях они употребляются редко. К видам этих фразеологизмов относятся сочетания **егүден шидүн** —передние зубы (букв. дверь-зубы), **алба бариху**— служить (букв. держать службу), **уйидхар түрүкү**— печалиться (букв. родиться печали), в которых компоненты **егүден, бариху** и **түрүкү** имеют переносные и семантически ограниченные значения.

Некоторые фразеологизмы могут допускать замену их компонентов без изменения общего значения. Например, сочетания **үр чайиху**—рассветать (букв. белеть рассвету), **наран унаху**—заходить солнцу (букв. падать солнцу), **хура багуху** — идти дождю (букв. спускаться дождю), **часу оруху** — идти снегу (букв. заходить снегу), **хоор күргеку** — оказать вред (букв. доводить вред) и **джүгелен седкил** — добрая душа (букв. мягкая душа) также встречаются с заменой компонентов без изменения общего значения: **үр гейикү** (букв. сиять рассвету), **наран шинггикү** (букв. утонуть солнцу), **хура оруху** (букв. заходить дождю), **часу унуху** (букв. падать снегу), **хоор кикү** (букв. сделать вред) и **чаган седкил** (букв. белое сердце);

в) фразеологические выражения, как и фразеологические сочетания, имеют семантически членимый лексический состав. Однако в отличие от фразеологических сочетаний они употребляются в прямых и синтаксически связанных значениях. Синтаксически связанное значение образуется тогда, когда слова в составе фразеологизма, словосочетания и предложения принимают контекстуальные значения. Например, **Үдеши болбасу герел үгеи, үйе насун үнггүрбесу джиргал үгеи** — Если наступит вечер, то не будет света, а если пройдет молодость, то не будет счастья; **Едүр йабугсан йабудал-и сүни шигүгтүн** — Дневные свои поступки обсуждай ночью; **хотачи нохай** — сторожевой пес; **бага насун**—детство (букв. малый возраст) и др.

Разбираемые виды фразеологизмов могут позволять замену и перестановку компонентов и сокращение или увеличение размера путем прибавления или убавления количества компонентов. Например, фразеологизм **Алта-йи арчибасу улам сайихан үнгге гарху, негүресү-йи укийаба-**

су улам харлаху — «Если вытирать золото, оно станет еще красивее, а если мыть уголь, он станет еще чернее» в современном монгольском языке встречается в другом варианте: **Алтыг угаавал, улам өнгө орж, нүүрсийг угаавал, улам харлах** — «Если мыть золото, оно станет еще красивее, а если мыть уголь, он станет еще чернее. Данные разновидности приведенного фразеологизма не имеют заметных расхождений в значении, но первый вариант отличается от второго тем, что в его лексическом составе есть лишний компонент **сайихан** (прекрасный), а также один из его составляющих элементов **арчибасу** — (если вытирать) заменен словом **угаавал** (если мыть).

Как показывают примеры, чем меньшей лексической самостоятельностью отдельных компонентов обладает фразеологический оборот, тем больше степень его семантической слитности. Значит, чем больше степень семантической измененности отдельных компонентов и всего лексического состава фразеологического оборота, тем больше степень его семантической слитности. Это, по-видимому, мотивируется тем, что признак семантической измененности характеризует фразеологические обороты со стороны всего их значения, а семантическая слитность указывает на частные особенности этих значений.

2. Отдельные компоненты или весь лексический состав фразеологических оборотов в целом могут обладать семантически измененными значениями. Например, фразеологизм **күл күндү** в первоначальном или буквальном значении компонентов понимается «нога тяжелая», а в семантически измененном или переносном виде он означает «беременная».

По степени семантической измененности значения всего лексического состава и отдельных компонентов среди фразеологических оборотов можно выделить такие основные группы:

а) фразеологические обороты, все компоненты которых употребляются в переносном значении: **хагархаи аман** — болтун (букв. рваный рот), **хогусун аман** — пустослов (букв. пустой рот), **аман джадагаи** — болтун (букв. с открытым ртом), **аман битагу** — молчаливый (букв. с закрытым ртом), **гагча бейе** — холостяк (букв. одинокое тело) и др.;

б) фразеологические обороты, в которых одни компоненты имеют переносное значение, другие — еке

бичиг — оригинал (букв. мать-письмо), **ухага алдаху** — потерять разум (букв. уронить разум), **худдуг-ун онгуча** — колодезное корыто (букв. колодезная лодка), **байичага бариху** — вести следствие (букв. держать следствие), **гер бариху** — строить дом (букв. держать дом), **джигасу бариху** — ловить рыбу (букв. держать рыбу), **хара седкил** — зловредная душа (букв. черная душа) и **хара нилха** — новорожденный (букв. черный ребенок);

в) фразеологические обороты, компоненты которых имеют семантически суженные значения: **багатур седкил** — богатырская душа, **чинг седкил** — непоколебимая душа, **чинг джориг** — непоколебимая смелость, **багатур джориг** — богатырская смелость, **худжир-таи гаджар** — солончак (букв. местность с содой), **арису елдекү** — обработать кожу, **чаи чинаху** — варить чай, **үсү чайиху** — поседеть (букв. белеть волосу) и др. Такое семантически суженное значение слов образуется тогда, когда слова в состав фразеологизма, словосочетания и предложения принимают контекстуальное значение, несколько иное, чем лексическое, которое получается в результате изменения значения слов в сторону сужения и конкретизирования. Например, компоненты фразеологизма **шира шибагун** — филин (букв. желтая птица) употребляются в семантически суженных значениях, так как слово **шира**, имеющее лексическое значение «желтый», в составе этого сочетания приобретает более конкретное значение, указывающее на такое определенное свойство предмета.

Другой компонент рассматриваемого фразеологизма **шибагун**, обозначающее родовое понятие «птица», в составе данного оборота стал названием видового, приобретая более конкретное значение. При этом слова, приобретающие суженные значения, в какой-то мере утрачивают лексическую самостоятельность. Кстати, данное явление сопровождается не образованием качественно нового переносного значения слов, а всего лишь частичными семантическими изменениями в области их значений.

Следовательно, фразеологические обороты, попадающие в одну группу, при их классификации по степени переносности и измененности значения, по признаку семантической слитности составляют один вид. Это свидетельствует о том, что данные признаки фразеологических оборотов являются взаимосвязанными и взаимообусловленными в своем происхождении и существовании.

Следует сказать, что признаком семантической измененности значения помимо фразеологических оборотов могут обладать слова, словосочетания и предложения. Однако этот признак распределен неравномерно среди фразеологических оборотов, поэтому является некритерийным и произвольным признаком фразеологических оборотов.

3. Характерной особенностью дидактических произведений является то, что очень многие их фразеологические обороты имеют эквивалентные им по предметному значению слова. По экспрессивно-стилистической окрашенности эти эквиваленты обычно не соответствуют друг другу. Например, фразеологизм **дүрбэн күлтү** — животное (букв. с четырьмя ногами) обладает более повышенной стилистической окраской, чем эквивалентное ему слово **адугусун.**

Наличие во фразеологических оборотах эквивалентных им отдельных слов не является необходимым признаком фразеологических оборотов, так как этот признак присущ не всем разновидностям фразеологических оборотов. Такая особенность относится к фразеологизмам, образованным на лексико-грамматической базе словосочетаний и имеющим переносные значения. Например, к ним относятся фразеологические обороты **модун-у халисун** — кора (букв. оболочка дерева), **таргун-у чаг** — осень (букв. время жирного), **үнен-и үгүлегчи** — Будда (букв. изрекающий правду) и **ору-йин чимег** — монах (букв. украшение макушки), которые соответственно эквивалентны словам **холтусу, намур, бурхан** и **блама.**

Указанные признаки могут быть присущи отдельным видам других единиц языка, смежных фразеологическим оборотам, а потому их нужно считать некритерийными и произвольными признаками фразеологических оборотов.

4. Буквальная непереводимость некоторых фразеологических оборотов на другие языки зависит от их экспрессивно-стилистической окрашенности, потому что фразеологические обороты представляют сугубо специфическую особенность того или иного языка и имеют особое национальное своеобразие, которое трудно и даже невозможно передать на другие языки. При буквальном переводе не передается смысл выражения на другой язык. Например, фразеологизм **ертен-ү үгэ** (букв. древнее слово) означает «пословица».

Чтобы переводить подобный фразеологический оборот на другой язык, нужно подобрать ему соответствующий

смысловой эквивалент из лексико-фразеологического фонда данного языка. При этом необходимо учитывать общее и буквальное значение компонентов, особенности жанра и контекста, экспрессивно-стилистическое свойство и другие специфические черты переводимого фразеологического оборота и подбираемого ему эквивалента.

Допустим, при переводе на русский язык фразеологический оборот **бурхан-дур одху** (букв. идти к богу) можно заменить равнозначным по смыслу словом «умирать», но более соответствующим ему по ряду упомянутых признаков является фразеологический оборот русского языка «отправляться к богу». Именно эти выражения употребляются в переносных значениях, являются эвфемизмами, эквивалентны одному отдельному слову и т. д.

Данный признак, отмеченный во фразеологических оборотах, встречается у отдельных разновидностей слов, словосочетаний и предложений. Следовательно, его необходимо отнести к некритерийному и произвольному признаку фразеологических оборотов.

ПРОИЗВОДНЫЕ ПРИЗНАКИ

Такие признаки, как правило, выводятся из понятийных признаков фразеологических оборотов. Так, все производные признаки фразеологизмов вытекают из признака их восприводимости из памяти в готовом виде и из признака наличия в их лексико-грамматической структуре не менее двух знаменательных слов. В частности, производные признаки, связанные с морфологическими и синтаксическими особенностями фразеологических оборотов, характеризуют признак наличия в лексико-грамматической структуре фразеологических оборотов не менее двух знаменательных слов. Другие, связанные с составом фразеологического фонда дидактических произведений в виде неологизмов, историзмов, архаизмов и др., характеризуют различную степень признака воспроизводимости фразеологических оборотов.

Производные признаки, вытекающие из признака воспроизводимости, создают сходство фразеологических оборотов со словами и их различие со словосочетаниями и предложениями, а производные признаки, вытекающие из признака наличия в лексико-грамматической структуре фразеологических оборотов не менее двух знаменательных

слов, создают сходство фразеологических оборотов со словосочетаниями и предложениями, но различие со словами. Первые из них можно назвать лексическими признаками, вторые — граматическими. В зависимости от рассматриваемых особенностей изучение фразеологии ведется в лексическом и грамматическом аспектах.

Поскольку указанные признаки создают отличие фразеологических оборотов от смежных им единиц языка и бывают присущи не всем разновидностям фразеологических оборотов, их можно назвать критерийными и произвольными признаками.

В качестве примера приведем признак раздельнооформленности компонентов, выводимый из признака наличия в лексико-грамматической структуре фразеологических оборотов не менее двух знаменательных слов и характеризующий его орфографическую сторону. Данный признак имеет чисто формальное значение, указывающее на различие в правописании некоторых фразеологических оборотов и сложных слов.

Как известно, в старописьменном монгольском языке не было единой и точно установленной орфографии[11], поэтому в дидактических произведениях очень часто встречаются случаи написания некоторых сочетаний как фразеологические обороты и сложные слова. Например, сочетание **бодисаду** (добродетель) иногда еще пишется как **боди саду.**

Ввиду того, что такой признак характеризуют лишь отдельные разновидности фразеологических оборотов, имеющих форму словосочетаний, и указывает на отличие фразеологических оборотов от смежных им единиц языка, он является критерийным и произвольным признаком.

---

[1] Телия В. Н. Что такое фразеология.—М., 1966.—С. 9.

[2]Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. —М., 1969. —С. 27.

[3]Гаврин С. Г. Изучение фразеологии русского языка в школе. М., 1969. —С. 13.

[4]Виноградов В. В. Русский язык. —М., 1938. —С. 121.

[5]Бертагаев Т. А. Лексика монгольских языков (опыт исследования слов и фразеологических сочетаний в их номинативной функции на материалах бурятского, халхаского и других монгольских языков): Дис. ... д-ра филл. наук. —М., 1947. —С. 768.

[6]Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. —М., —С. 27.

[7]Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. —С. 27.

[8]См.: Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. —С. 129.

[9]Виноградов В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке //Академик А. А. Шахматов. Сборник статей и материалов. —М.—Л., 1947. —С. 345.

[10]Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. — —С. 37.

[11]См.: Санжеев Г. Д. Старописьменный монгольский язык. —М., 1964. —С. 16.

ГЛАВА II

ОБРАЗОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБОРОТОВ ДИДАКТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

В предыдущей главе фразеологические обороты дидактических произведений были рассмотрены с точки зрения их признаков, в результате чего мы пришли к выводу, что они представляют собой как бы смежную лексико-грамматическую категорию между словами, с одной стороны, и словосочетаниями и предложениями—с другой. Теперь нам предстоит подтвердить это путем анализа рассматриваемого объекта в диахронном плане, так как промежуточное положение фразеологических оборотов между основными единицами языка произошло в результате их развития.

Фразеологические обороты в своем образовании и развитии проходят два основных этапа.

На начальной, или первой, стадии развития у них появляются все основные признаки, присущие свободным словосочетаниям и предложениям и отличающие их от отдельных слов. Так, в первую очередь у фразеологизмов оформляется лексико-грамматический состав, состоящий из двух и более знаменательных слов. Фразеологизмы в момент своего возникновения не являются в языке как слова воспроизводимыми, а бывают как словосочетания и предложения моментально разложимыми и принадлежат речи отдельного индивидуума.

Второй этап развития фразеологических оборотов начинается тогда, когда свободные словосочетания и предложения, которые лежат в основе первоначального образования фразеологизмов ввиду актуальности выражаемой ими мысли и предметно-назывного значения становятся воспроизводимыми как слова. В данный период у фразеологизмов складываются признаки, сближающие их со словами, но

отличающие от словосочетаний и предложений. Конечно, в процессе такого перехода во фразеологизмы словосочетания и предложения сохраняют основную лексико-грамматическую структуру, состоящую из двух и более знаменательных слов, но утрачивают такие особенности, как моментальную разложимость лексического состава сразу же после образования и индивидуальную употребляемость в речи отдельного лица в определенном контексте.

Гранью, отделяющей эти два этапа в развитии фразеологических оборотов, является признак воспроизводимости, с появлением которого фразеологические обороты перестают быть свободными словосочетаниями и предложениями и переходят в разряд фразеологизмов.

Таким образом, фразеологизмы первоначально появляются в языке как свободные словосочетания и предложения и в дальнейшем, приобретая признаки слов, превращаются во фразеологизмы.

ПОЯВЛЕНИЕ УСТОЙЧИВОСТИ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБОРОТОВ

Появление устойчивости структуры фразеологических оборотов, по-видимому, зависит от двух противоположных тенденций, существующих в возникновении и развитии фразеологических оборотов.

Во-первых, для обозначения понятия или суждения слова вступают в синтаксические связи и образуют либо словосочетания, либо предложения. При таком образовании сочетаемые слова принимают непосредственное участие при выражении общего значения словосочетания или предложения и имеют определенную смысловую нагрузку. Именно это общее значение, вероятнее всего, служит объединяющим фактором отдельных слов, вошедших в состав данного предложения или словосочетания. В этом случае слова, образующие словосочетания и предложения, приобретают синтаксически связанные и зависимые от контекста значения.

Во-вторых, каждые из слов, в совокупности составляющие словосочетания и предложения, кроме их общего и синтаксически связанного значения имеют свои лексические значения, которые, очевидно, противостоят упомянуто-

му выше объединяющему фактору и характеризуются тем, что вызваны внутренней тенденцией в развитии слов сохранить самостоятельную и независимую лексико-грамматическую структуру.

Итак, эти две противоположные тенденции в развитии фразеологических оборотов как бы создают равновесие, которое отражается на устойчивости структуры фразеологических оборотов.

Кроме того, здесь уместно заметить, что единство общего значения сближает фразеологизмы со словами, тогда как наличие лексико-грамматической структуры, состоящей из двух и более знаменательных слов, сближает фразеологизмы со словосочетаниями и предложениями. Следовательно, фразеологические обороты составляют промежуточную категорию, которая в своем развитии отталкивалась от свободных словосочетаний и предложений к словам, но которая в зависимости от указанных выше тенденций достаточно стабилизировалась и приобрела устойчивую структуру.

Одним из не менее важных условий создания устойчивости фразеологического оборота является соответствие его внешней формы внутреннему содержанию.

Разумеется, чтобы фразеологический оборот был постоянно повторяемым в одной и той же устойчивой лексико-грамматической структуре, необходим признак воспроизводимости.

ПРЕВРАЩЕНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБОРОТОВ В СЛОВА

В дидактических произведениях очень часто наблюдаются случаи перехода фразеологических единиц в слова. Это мотивируется, во-первых, тем, что фразеологические обороты в своем развитии обладают способностью превращаться в слова; во-вторых, отличаются особенностью быть одинаковыми со словами в области их семантики, то есть, как и отдельные слова, они обладают единством общего или целостного значения. В результате, чтобы соответствовать своей семантике, развивается их лексико-грамматическая структура, изменяясь в направлении превращения в слова. Происходит стяжение и уплотнение лексико-грамматического состава фразеологических оборотов, утрата самостоя-

тельных лексических значений отдельных компонентов и в конечном счете превращение некоторых фразеологизмов в слова.

Конечно, фразеологические обороты обычно превращаются в сложные слова, так как они в структурном отношении наиболее близки именно к ним.

Здесь уместно заметить, что основным и единственным источником образования сложных слов в старомонгольском языке являются фразеологические обороты. Это подтверждается тем, что многие из существующих в старописьменном монгольском языке сложных слов в своем предшествующем историческом развитии втречаются как фразеологизмы, так что фразеологические обороты являются одним из этапов в развитии и появлении сложных слов.

Очевидно, в сложные слова превращаются фразеологические обороты, имеющие в своем лексическом составе не более двух знаменательных слов, так как чем меньше компонентов у фразеологизмов, тем ближе фразеологизмы к словам по своей лексико-грамматической структуре. Например, в сложные слова превратились следующие обороты, встречающиеся и в дидактических произведениях, стп-монг. **дагу гарху** — говорить (букв. выходить голосу)> бур. **дуугарха**; стп.-монг. **агу йеке** — великий (букв. громадный-большой)>бур. **агууехэ**; стп.-монг. **аджил байидал** — жизнедеятельность (букв. жизнь-хозяйство) > бур. **ажабайдал**; стп.-монг. **ами насу** — жизнь (букв. дыхание-жизнь) > бур. **аминаhан**; стп.-монг. **нүгүге едүр** — послезавтра (букв. следующий день) > бур. **нүгөөдэр**; стп.-монг. **кидудджу оркиху** — уничтожить (букв. убивая, оставить) > бур. **хюдажархиха.**

Кроме того, очень многие беспереводные фразеологические заимствования при переходе в старомонгольский язык почти утрачивают прямые лексические значения компонентов и вместе с тем устойчивость структуры, потому что прямые или буквальные значения компонентов, как и лексические, могут быть одним из основных факторов, содействующих образованию устойчивости фразеологических оборотов.

Далее, к беспереводным фразеологическим заимствованиям, утратившим буквальные или частные значения компонентов и превратившимся в слова, относятся сочетания из тибетского языка **дкар-чхаг** — заголовок (букв. циф-

ровой знак), **лха-мо** — богиня неба (букв. небо-мать) и **чхосргйал** — перифраз Будды (букв. царь веры), которые при переходе в старомонгольский язык стали употребляться как **гарчаг, лхама** и **чойиджал** только лишь в своих переносно-общих значениях составляющих слов.

ПОЯВЛЕНИЕ ВОСПРОИЗВОДИМОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБОРОТОВ

Процесс превращения свободных словосочетаний и предложений во фразеологические неологизмы происходит в результате появления у них признака воспроизводимости.

Воспроизводимыми становятся такие словосочетания и предложения, которые являются обозначениями понятий, обладающих актуальностью или важностью их общего значения в данную историческую эпоху. Под понятием «актуальность» следует понимать полезность и необходимость познавательно-воспитательного значения указанных выражений в социально-практической жизни общества.

Следовательно, изменение и развитие фразеологического фонда языка происходит в зависимости от общественно-исторических факторов, способствующих возникновению у словосочетаний и предложений воспроизводимости, являющейся одним из основных условий их превращения во фразеологические новообразования.

Контаминация фразеологических оборотов. Процесс контаминации фразеологических оборотов в дидактических произведениях встречается очень редко.

Контаминации могут подвергаться два фразеологизма, обозначающие одно и то же понятие, но имеющие различия в их лексико-грамматической структуре. Например, сочетания **ерлиг хаган** (букв. царь Эрлик) и **ном-ун хаган** (букв. царь буддизма) в дидактических произведениях употребляются в одном и том же значении «царь ада» и имеют различные первые компоненты и одинаковые вторые.

Они в разное время проникли в старомонгольский язык из уйгурского и тибетского в связи с распространением буддизма в Монголии. Первый был заимствован почти без изменений его лексико-грамматической структуры, а второй является калькой тибетского **чхосргйал** — букв. царь буддизма. В результате контаминации эти обороты образовали выражение **ерлиг ном—ун хаган**, означающее то же

самое понятие, что и вошедшие в его состав элементы—фразеологизмы. В данном случае контаминация имела фразоизменительный характер и возникла на основе смысловой близости двух фразеологических оборотов, в результате чего образовался их новый фразеологический вариант.

Эллиптическое употребление фразеологических оборотов. В дидактических произведениях довольно часто употребляются эллиптические фразеологические единицы. При образовании этих оборотов происходит усечение их конца, середины, либо начала. Такое «...опущение» той или иной части фразеологизма, как правило, не влияет на характер его смысловой структуры и не вызывает ощущения смысловой недостаточности. Употребление «начала» пословицы, поговорки, афоризма является средством экономной передачи смысла и зачастую воспринимается как намеренная недоговоренность в стилистических целях. Сознание слушающего в силу общеизвестности дополняет усеченные выражения до их традиционного лексического состава»[1]. Например, эллиптический фразеологический оборот **«Ойун түлкигүр»** — «Ключ разума», который является сокращенным вариантом выражения **Богда Чинггис-ун джокийагсан шастира ойун түлкигүр орушибаи** — Произведение «Ключ разума», сочиненное святейшим Чингисом[2]. Указанное видоизменение внешнего оформления данного выражения не сопровождается образованием совершенно нового фразеологизма, потому что при таком процессе данное сочетание не претерпело существенного преобразования, касающегося его понятийной основы.

ОСНОВНЫЕ СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ДИДАКТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ СТАРОПИСЬМЕННОГО МОНГОЛЬСКОГО ЯЗЫКА

Подавляющая часть фразеологических оборотов, собранных нами, образована путем грамматических средств фразообразования старомонгольского языка. Грамматические модели и конструкции, по которым образованы фразеологизмы дидактических произведений, чрезвычайно многообразны и разнохарактерны. Основные из них приведем ниже.

1. Большинство фразеологизмов дидактических произведений образовано на основе сочетания слов. Этим спосо-

бом образованы фразеологизмы **үшийе-бен абуху** — отомстить (букв. взять месть), **үсете дайисун** — мстительный враг, **чалагаи еме** — распутная женщина, **буругу йабудал** — неправильный поступок, **үре амасаху** — пожинать плоды (букв. отведать плод), **тунхаг тарагаху** — распространить весть, **арики бариху** — выпить водку (букв. держать водку), **табаг талбиху** — угощать (букв. поставить тарелку) и другие.

2. Образование фразеологизмов на основе предложений является менее продуктивным способом, чем предыдущий. Таким путем образованы фразеологизмы **Хатагу седкил джида, хара санага хоора** — Жестокая душа — штык, а черная мысль — яд; **Хоора холигсан амта-таи идеге-йи хобдуг болбачу үлү идемуи** — Пищу, смешанную с ядом, даже жадный не съест; **Ере күмүн келегсен үген-деген күркү, агта морин джоригсан гаджар-даган күркү** — Мужчина выполнит свое обещание, а мерин дойдет до места езды и др.

3. Значительно меньшее количество фразеологизмов дидактических произведений образовано в результате аффиксации. Этот способ заключается в том, что после прибавления различных аффиксов к лексико-грамматической структуре одних фразеологизмов образуются другие. Например, фразеологизмы **түрү-йи баригчи** —правитель (букв. держащий правление), **буругу ном-ту** — иноверец (букв. с неправильной книгой), **итегел йабугулугсан** — монах (букв. отправивший веру), **ердем-и тегүсүгсен** — Будда (букв. закончивший знания) образованы от сочетаний **түрү-йи бариху** — управлять государством (букв. держать правление), **буругу ном** — неправильная идея, **итегел йабугулху** — молиться (букв. отправить веру), **ердем-и тегүсүкү** (закончить знания) путем субстантизации их вторых компонентов при помощи суффиксов **-чи**, -ту, **-сан**, **-сен.**

4. Способом переосмысления значения образованы некоторые фразеологизмы дидактических произведений, имеющие лексико-грамматическую структуру словосочетаний. В результате фразеологические обороты могут стать многозначными и образовывать качественно новые выражения, сохраняя при этом прежнюю лексико-грамматическую структуру. Например, фразеологизм **далаи блама** — титул главы буддийской церкви (букв. море-лама), появившийся в 1577 г., когда туметский князь Алтан-хан присвоил такой эпитет предводителю желтой веры Тибета[3], после переосмыс-

ления его значения позже стало употребляться в ином смысле, превратившись из эпитета одного человека в наименование духовного сана.

Этот способ фразеообразования является не таким продуктивным, как образование фразеологизмов на основе словосочетаний и предложений, но тем не менее он указывает на разнохарактерность образования фразеологических оборотов дидактических произведений.

Типы синтаксической связи компонентов фразеологического оборота. Между компонентами фразеологических оборотов могут существовать сочинительные или подчинительные виды связи слов.

Сочинительный вид связи слов наблюдается между членами фразеологизмов, образованных на основе парных словосочетаний. Например, связь таких компонентов сочетаний, как **сүме субурга**—храм, часовня, **күджи джула** — благовоние, лампадка, **бүджиг нагадун** — спектакль, игры, **учир шилтаган** —случай, причина, **айага шинага** — посуда (букв. чашка, ковш), **олджа ашиг** — добыча, польза, **ед тавар** — вещь, товар, **ному сому** — лук, стрела, **кете чакигур** — огниво, кремень, **керем байишинг** — крепость, здание, **ачи туса** — помощь, польза и **алба татабури** — дань, налог, осуществлена путем сочинительной связи. Такой вид связи слов во фразеологических единицах встречается реже чем подчинительный.

Подчинительный вид связи в разбираемых нами фразеологизмах представляют примыкание и управление.

Примеры сочетаний, образованных через посредство синтаксической связи примыкания слов, находим в следующих фразеологических оборотах: **алтан делкеи** — золотой мир, **күндү джирум** — тяжелая дисциплина, **бертегсен седкил** — богохульствующая душа, **абурагчи бурхан** — спаситель, бог, **боди седкил** — добродетельная душа, **алтан гургулдаи** — соловей, **хара керегүл** — сильная ссора (букв. черная ссора), **ирагу айалгу** — лирика (букв. благозвучная мелодия), **гүн ухаган** — глубокомыслие, **харлиг иджагур** — низшее происхождение, **хагучин үге** — пословица (букв. старое слово).

К сочетаниям, образованным путем синтаксической связи управления слов, относятся фразеологические обороты: **мал-ун билчигери** — пастбище для скота, **лу-йин дагун** — звук грома (букв. голос дракона), **шакиамуни-йин үлмеи**—

нога Шакьямуни, **йосун-и ебдеку** — нарушить обычай (букв. сломать правило), **едүр-и баруху** — провести день (букв. закончить день), **тамир алдаху** — потерять силу (букв. уронить силу), **белег бариху** — преподнести подарок (букв. держать подарок), **бурхан-дур мүргүкү**—молиться богу (букв. бодаться под богом), **таму-дур унаху** — попасть в ад (букв. падать в ад) и др.

Далее, фразеологические обороты, имеющие сложную лексико-грамматическую структуру словосочетаний и предложений, состоящую более чем из двух знаменательных слов, могут одновременно содержать в себе различные типы синтаксической связи слов. Например, компоненты фразеологического оборота **арийатан-у хаган арслан** — лев (букв. царь зверей лев) соединены между собой путем управления и примыкания.

Итак, компоненты фразеологических оборотов дидактических произведений сочетаются между собой с помощью таких же видов синтаксических связей слов, что и слова в предложениях и словосочетаниях старописьменного монгольского языка.

Образование основных типов фразеологизмов, имеющих лексико-грамматическую структуру предложений. Предложения в процессе перехода во фразеологизмы становятся постоянно закрепленными или устойчивыми «знаками определенных ситуаций и отношений между вещами»[4]. Этот процесс происходит при сохранении основного лексико-грамматического состава предложений, становящегося также главной структурой и семантической базой для образования фразеологических оборотов. В результате среди рассматриваемых фразеологизмов можно выделить такие же разновидности, как и у предложений. В частности, выделяются фразеологизмы, первоначально образованные как повествовательные, вопросительные, отрицательные, побудительные, двусоставные, односоставные, простые, сложные, безличные и неполные предложения.

Ниже перечислим основные типы фразеологизмов, образованных на основе предложений:

1) как утвердительное предложение: **Үнен эрдем алтан дур адали** — Истинная наука как золото;

2) как отрицательное предложение: **Магу күмүн-ү үгендү бү ору**—Не слушай слов плохого человека;

3) как повествовательное предложение: **Уйахан ...**

агали-таи джүгелен үге-тү күмүн-и учаран танилчагсагар демеи бү итеге — Не верь человеку сразу же после знакомства, хотя он и покажется добрым;

4) как побудительное предложение: **Арга джали хойар-и уг-ача орки** — Хитрость и умение передай потомству;

5) как вопросительное предложение: **Сайин күмүн-дү нүкүр олан бишиу, сайин морин-ду еджен олан бишиу?** — Не у хорошего ли человека много друзей, не у хорошего ли коня много хозяев?;

6) как односоставное предложение: **Хагачаши үгеи хани нүкур-тү марташи үгеи магу үге-йи бү келе** — Неразлучному своему другу не говори незабываемые плохие слова (отсутствует состав подлежащего);

7) как двухсоставное предложение: **Арсалан бүгелджисүн-ийен үлү идекү, сайин күмүн үге-бен үлү урбаху** — Лев не съест рвоту, а хороший человек не изменит своему слову;

8) как нераспространенное предложение: **Боруган орубаи** — Пошел дождь (букв. Зашел дождь);

9) как распространенное предложение: **Ердем үгеи тойин джадагаи, ере үгеи еме джадагаи** — Безграмотный послушник распутен, незамужняя женщина распутна;

10) как простое предложение: **Ере күмүн бейе-бен ед-ийер чимегсен-ече ердем-ийер чимегсен тере дегере буи** — Мужчине лучше украшать себя знанием, чем товарами;

11) как сложное предложение: **Сечен сайин түшимел улус-ун ердени, сайин еме гер-үн ердени** — Хороший умный чиновник — сокровище государства, а хорошая женщина — сокровище дома;

12) как определенно-личное предложение: **Килинчетү нүкүр-ече абургу могаи үджегсен мету джайила** — Грешного товарища избегай, как будто бы ты увидел удава (в качестве подлежащего подразумевается личное местоимение 2-го лица);

13) как неопределенно-личное предложение: **Чайираху йабубасу күмүн-ү гар-ту орумуи** — Если быть хвастливым, то можно стать зависимым от людей (в качестве подлежащего могут подразумеваться личные местоимения 1-го, 2-го и 3-го лица, единственного и множественного числа);

14) как обобщенно-личное предложение: **Үбер-үн бейе-йин ухаган билиг-ийер шинджиджү йабубасу, үсете дайисун олан болбачу хамига есе дейилекү** — Если будешь следить

за своим разумом и чутьем, то множество врагов не сумеют тебя одолеть (в качестве подлежащего подразумевается субъект без отнесенности к конкретному лицу);

15) как безличное предложение: **Чубуджу йабугсан барс-ача чугладжу сагугсан шагаджагаи дегере** — Сороки, собравшиеся в стаю, сильнее, чем тигры, идущие гурьбой (наличие подлежащего не предполагается);

16) как неполное предложение: **Үнекер сайин ердени-йи есе магтабачу үне олху, үтеле чилагун-и магтабачу үне-дүр үлү күркү** — Если даже не хвалить настоящую жемчужину, она не потеряет своей цены, а если даже хвалить простой камень, он не станет дороже (подлежащее пропущено из-за отсутствия небходимости в его употреблении по условиям контекста);

17) как полное предложение: **Арслан үнеге метү йабубасу түрген гутуху, үнеге арслан метү йабубасу түрген үкүкү** — Если лев будет жить, как лисица, то быстро испортится, а если лисица будет жить, как лев, то быстро умрет (все члены предложения, предполагаемые по контексту, наличествуют);

18) как сложноподчиненное предложение: **Омуг бардам ненг кетүрбесү ердем билиг багурайу** — Если у человека увеличится самодовольство, то у него уменьшится знание и мудрость (наличие двух предикативных единиц, грамматически зависимых друг от друга);

19) как сложносочиненное предложение: **Хобур номлал келекүни йеке номчи-йин дүри-теи, хонин-у миха идекү-ни чинуа нохаи-йин шинул-таи** — Он говорит с видом знатока, а баранину ест с аппетитом волка.

Приведенные разновидности фразеологических оборотов одинаковы с предложениями в отношении их лексико-грамматической структуры, так как фразеологизмы подобного характера имеют с предложениями генетическую общность. Именно предложения составляют одну из стадий в образовании и развитии фразеологических оборотов указанного вида.

О синтаксическом составе фразеологизмов, имеющих лексико-грамматическую структуру предложений. Основными строительными элементами фразеологизмов, имеющих лексико-грамматическую структуру предложений являются слова. По своей синтаксической роли в упомянутых видах фразеологизмов, как и в предложениях, они употребляются

в качестве главных и второстепенных членов. Главными и второстепенными членами в данных оборотах являются подлежащие, сказуемые, определения, обстоятельства и дополнения, которые выражаются различными частями речи.

1. Подлежащие во фразеологических оборотах могут выражаться следующими частями речи:

а) существительным в именительном падеже: **Үчүкен магу күмүн омуглабачу үлү дегеретекү** — Ничтожный человек, хоть и будет важничать, не станет от этого лучше;

б) причастием настоящего времени: **Сагали сүн-и күсегчид ебүл ече үнийе теджиге, сайин тарийан-и күсегчид хабур ача күренгге тари** — Желающие иметь молоко кормите с зимы коров, а желающие иметь хороший урожай сейте с весны семена.

2. Сказуемые во фразеологических оборотах могут выражаться следующими частями речи:

а) повелительной формой глагола: **Буругу болбасу хаган-у сагудал-ду сагубачу джайила** — Если ты не прав, то должен сойти даже с царского трона;

б) изъявительной формой глагола: **Селеме бер чабчибасу бейе ебеддүмүи, ширүгүн үге бер дагарибасу седкил ебеддүмүи** — Если рубить мечом, то тело заболит, а если словом грубым задеть, то сердце заболит;

в) причастной формой глагола: **Арслан мете нойад-и барс мете түшимед дагаху** — За князьями, подобными львам, будут следовать сановники, похожие на барсов;

г) существительным в именительном падеже: **Хатагу седкил джида, хара санага хоора** — Непоколебимая душа — штык, а черная мысль — яд.

3. Дополнения могут выражаться следующими частями речи:

а) существительным в дательно-местном падеже: **Арслан-у багатур омуг үнеген-дүр туса үгеи, үнеген-ү уран арга арслан дур туса үгеи** — Богатырская гордость льва не надобна лисице, а искусное умение лисицы не надобно льву;

б) существительным в винительном падеже: **Ебдереджү олан джанг бү гарга** — Ломаясь, не показывай непостоянство в характере;

в) существительным в исходном падеже: **Дегереки огтаргаи дур орушигчи тнгри олан болбачу, делекеи-декин-и гейигүлкү ину наран саран ача үбера үгеи** — Хоть много

наверху небес, но нет там других солнца и луны, освещающих этот мир;

г) существительным в орудном падеже: **Магу нигул ийер джарим керег бүтүкү буи болбачу, магад сайин мергед тегүн дүр үлү дуралайу** — Хотя некоторые дела могут осуществляться при содействии грехов, настоящие мудрецы не одобряют этого;

д) существительным в совместном падеже: **Үргүлджи теджигекү тедкүкү йадангкитан луга ханилбасу, үлемджи елбег йагумату күмүн чү багураи болху** — Если дружить с нищим, которого нужно постоянно поддерживать и кормить, то самый богатый человек может обеднеть;

е) причастием в винительном падеже: **Олан күмүн-ү джүбшигсен-и бү ебде** — Не нарушай решения многих людей.

4. Определения могут выражаться следующими частями речи:

а) существительным в падеже основы: **Ере күмүн келегсен үген деген күркү, агта морин джоригсан гаджар даган күркү** — Мужчина выполнит свое обещание, а мерин дойдет до места езды;

б) существительным в родительном падеже: **Донгуругун ир хурча чибал чилагу-йи йагакин дагагаху буи** — Хоть остро лезвие складного ножа, оно не сможет резать камень;

в) существительным в совместном падеже: **Хоора холигсан амтатаи идеге-йи хобдуг болбачу үлү идемүи** — Пищу, смешанную с ядом, даже жадный не съест;

г) местоимением: **Ухаган ердем сурул үгеи демеи йабугчи тере күмүн удха даган мал метү маши тенег аджугу** — Человек, не получивший знаний, подобен по своему содержанию глупому скоту;

д) прилагательным: **Үнекер джокилдуху сайин күмүн хола байибачу тусалаху, үле джокилдуху магу күмүн ойиратухуи тудум неиг харши болху** — Хороший человек, хоть далек от тебя, поможет, а плохой человек, чем ближе к тебе, тем вреднее для тебя;

е) числительным: **Кетүркеи сайин күмүн чухум ердени метү, кеджийеде урбал үгеи ниген джанг ийар байиху** — Очень хороший человек постоянен в характере, как настоящее сокровище всегда неизменчиво.

5. Обстоятельства могут выражаться следующими частями речи:

а) прилагательным в орудном падеже, которое часто интерпретируется как наречие: **Санамсар үгеи демеи генен ийер йабубасу сайин күмүн чу болба керег дүр осултаджу баса болху** — Если даже хороший человек будет действовать необдуманно и наивно, он тоже может допустить оплошность;

б) деепричастной формой глагола: **Асуру нигуху керегтеи-йин джүблел үйиледкү болбасу, амараг нүкүр болбачу гурбан күмүн нейиледжү бү келелче** — Если нужно советоваться по очень секретному делу, то даже с хорошими друзьями не следует обсуждать втроем;

в) существительным в падеже основы: **Магу күмүн-дү күргегсен туса, худжир-таи гаджар таригсан тарийа** — Помощь, оказанная плохому человеку, подобна семенам, посеянным на солончаке;

г) существительным в дательно-местном падеже: **Магу йагума джиртенчү дүр олан буи болбачу, магу күмүн адали айулту йагума йерү үгеи** — Хоть плохого в мире очень много, но нет ничего страшнее плохого человека.

В приведенных выше примерах представлены основные образующие элементы морфолого-синтаксического состава фразеологических оборотов, имеющих лексико-грамматическую структуру предложений. По этим особенностям фразеологические обороты являются одинаковыми с предложениями дидактических произведений.

Морфологический состав фразеологизмов, имеющих лексико-грамматическую структуру подчинительных словосочетаний. По своему составу фразеологизмы, образованные при помощи подчинительных словосочетаний, делятся на несколько основных разновидностей. Среди фразеологизмов такого характера наиболее часто встречаются двухчленные сочетания следующего типа:

а) обороты, образованные сочетанием двух существительных в именительном падеже: **ами насу** — жизнь (букв. дыхание, жизнь), **хаган түрү** — царское правление, **алтан гургулдаи** — соловей, **тогус шибагун** — павлин, **адагусун амитан** — животное существо, **атар гаджар** — целинная земля;

б) обороты, образованные сочетанием существительного в именительном падеже с существительным в родительном падеже: **гер-үн еджен** — хозяин дома, **хумаки-йин тогусун** — мельчайшая пылинка, **буйан-у күчүн** — сила доброде-

тельности, **үде-йин кири** — обеденное время, **лу-йин дагун** — звук грома (букв. голос дракона), **үде-йин наран** — полуденное солнце;

в) обороты, образованные сочетанием глагола с существительным в дательно-местном падеже: **черег-тү мордуху** — отправляться на войну, **үге-дүр оруху** — послушаться (букв. заходить к словам), **гар дур абху** — подчинить (букв. взять под руки), **йала дур оруху** — платить штраф (букв. заходить под штраф);

г) обороты, образованные сочетанием числительного с существительным: **гурбан ердени** — обобщенное название бога, духовенства и общины (букв. три сокровища), **далан нигүл** — множество грехов (букв. семьдесят грехов), **хойар джайаган** — буддийское понятие, означающее две судьбы, состоящие из плохого и доброго (букв. две судьбы), **дүрбен күл-тү** — животное (букв. с четырьмя ногами), **хойар күл-тү** — человек (букв. двухногий), **дүрбен тиб** — буддийское понятие, означающее четыре стороны мифической горы Сумбэр (букв. четыре материка), **гурбан егүдеи** — буддийское понятие, означающее язык, тело и душу человека, которые составляют его сущность (букв. три двери);

д) обороты, образованные сочетанием глагола с существительным в винительном падеже: **алба бариху** — служить (букв. держать службу), **гаджар хахалаху** — пахать землю, **дагун гарху** — говорить (букв. выходить голосу), **нере багураху** — потерять авторитет (букв. снижаться имени), **умда бариху** — пить (букв. держать питье), **туса күргекү** — оказать помощь (букв. довести помощь), **ами тасулху** — убить (букв. прервать жизнь), **сүр даруху** — подавить силу духа, **күсүл түрүкү** — появиться желанию, **хони харигулху** — пасти овец;

е) обороты, образованные сочетанием прилагательного и существительного в именительном падеже: **күндү джобаланг** — тяжелое мучение, **халагун кеджиг** — лихорадка (букв. горячая болезнь), **джүгелен үге** — мягкое слово, **хатагу үгес** — твердое слово, **ширүгүн үге** — жестокое слово, **хара хоора** — зловредительство (букв. черный вред);

ж) обороты, образованные сочетанием двух глаголов: **анхарун абху** — брать во внимание, **джалкиджу оркиху** — проглотить (букв. проглотив, оставить), **абджу ирекү** — приносить (букв. забирая, приходить), **кидуджу оркиху** — уничтожить (букв. уничтожив, оставить), **күрджү ирекү** — при-

ходить (букв. дойдя, приходить), **йабун байиху** — идти (букв. идя, стоять);

з) обороты, образованные сочетанием прилагательных. имеющих одинаковые корни с наречиями, существительными в именительном падеже: **нүгүге едүр** — послезавтра (букв. следующий день), **дегедү хаган** — высший царь, **дегедү блама** — высший монах, **дегедү хутуг** — высшее благополучие, **үндер иджагур** — высшее происхождение, **доорду иджагур** — низшее происхождение.

По сравнению с приведенными видами двухчленных фразеологизмов значительно реже встречаются трехчленные обороты. К ним относятся выражения **күбүнг чаган егүлен** — белое облако, напоминающее вату (букв. белое ватное облако), **джун-у думда сара** — средний месяц лета, **хас йеке түрү** — империя Чингисхана (букв. большое яшмовое правление), **арийатан-у хаган арслан** — лев (букв. царь зверей лев), **долун нуур-йин сүме** — название церкви (букв. церковь семи озер), **үр чайиху чаг** — время рассвета (букв. время белеть рассвету), состав которых образован сочетанием числительного, наречия, прилагательного, глагола и существительного.

Итак, фразеологические обороты по своему составу не отличаются от подчинительных словосочетаний. Это свидетельствует о том, что лексико-грамматической базой для образования фразеологических оборотов такого типа были подчинительные словосочетания.

Морфологический состав фразеологизмов, имеющих лексико-грамматическую структуру сочинительных словосочетаний. В области своей структуры рассматриваемые виды фразеологизмов разнохарактерны. Они могут быть образованы следующими частями речи:

а) сочетанием двух существительных в именительном падеже: **ечеге еке** — родители (букв. отец-мать), **түрүл түдүм** — родственник, свояк, **арга джали** — умение, хитрость, **ойун билиг** — способность, разум, **үлджеи хутуг** — счастье, благополучие, **джиргаланг джобаланг** — счастье, несчастье, **хулагаи худал** — воровство, ложь, **умда хогула** — питье, еда, **чидал күчүн** — сила, мощь, **алдар нере** — слава, имя;

б) сочетанием двух прилагательных: **үджескүленг гуа** — прекрасный, красивый, **сайин магу** — хороший, плохой, **нарин нигта** — аккуратный, чистый, **күндү күнгген** — тяже-

лый, легкий, **халагун күйитүн** — горячий, холодный, **чечен мерген** — умный, мудрый;

в) сочетанием двух наречий: **гадана дотана** — вне, внутри, **инагши чинагши** — сюда, туда, **ойира хола** — близко, далеко, **ойира орчин** — близко, рядом;

г) сочетанием двух глаголов: **үтелекү үкүкү** — стареть, умирать, **оруджу гаруджу** — заходя, выходя, **үджегсен медегсен** — увидевший, узнавший.

Фразеологизмы, образованные на лексико-грамматической базе сочинительных словосочетаний, имеют компоненты, выраженные одинаковыми частями речи. Такая особенность составляет одну из их специфических особенностей.

---

[1]Дементьева Г. Я. Семантико-стилистические особенности фразеологических выражений в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. —Алма-Ата, 1955. —С. 13.

[2]Название дидактического произведения.

[3]См.: Саганг Сечен. Ердени-йин тобчи. —Улан-Батор, 1961. —С. 254.

[4]Пермяков Г. Л. Избранные пословицы и поговорки народов Востока. —М., 1968. —С. 26.

ГЛАВА III

ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКАЯ И ТЕМАТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ФОНДА ДИДАКТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

ЛЕКСИЧЕСКИЙ СОСТАВ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБОРОТОВ

Основное ядро фразеологического фонда дидактических произведений сотавляют такие сочетания, которые первоначально образовались в древнемонгольском и старомонгольском языках. Мы их называем исконно монгольскими фразеологическими оборотами.

Одни из этих оборотов существовали в ранних источниках устной и письменной литературы монголов до появления жанра дидактических произведений и даже могли образоваться в дописьменный период развития монгольского языка. Однако из-за отсутствия достоверных письменных или устных источников трудно установить более точное или приблизительное время их происхождения. Например, к ним относятся фразеологизмы **Сүмбүр агула** — гора Сумбэр и **Хормуста тнгри** — небо Хормуста, которые можно найти в ранних жанрах древнемонгольской литературы, а также в произведениях шаманской поэзии **Гал такиху йосун**[1] — «Обычай поклонения огню» и **Гал-ун ирүгел-үн судур орушиба**[2] — «Сутра о благопожеланию огню».

Другие фразеологические обороты образовались сравнительно недавно в связи с известными в истории социально-экономическими событиями и явлениями. Их возникновение в языке было зафиксировано в различных устных и письменных памятниках старомонгольского языка. Данное обстоятельство позволяет отнести время происхождения таких оборотов к какому-либо определенному периоду. Так,

фразеологизмы **бурхан-у шашин** — буддизм (букв. религия Будды), **шира шашин** — буддизм (букв. желтая вера), **бурхан-у суртал** — учение Будды, **адис абуху** — получить благословение и **блама-йи джалаху** — пригласить монаха (букв. направить монаха) образовались в связи с распространением буддизма в Монголии.

Кроме того, многие разбираемые фразеологизмы являются общими для монгольских языков, так как существовали в тот период, когда старомонгольский язык был языком общемонгольским[3]. Например: стп.-монг. **часу оруху** — идти снегу (букв. заходить снегу), х.-монг. **цас орохо**, бур. **саһан орохо**; стп.-монг. **үкер чилагу** — валун (букв. коровий камень), х.-монг. **үхэр чулуу**, бур. **үхэр шулуун**; стп.-монг. **дайисун-и даруху** — победить врага (букв. подавить врага), х.-монг. **дайснаа дарах**, бур. **дайсанаа дараха**; стп.-монг. **хатагу джориг** — твердая воля, х.-монг. **хатуу зориг**, бур. **хатуу зориг**; стп.-монг. **хурча идеген** — острая пища, х.-монг. **хурц идээ**, бур. **хурса эдеэн**.

Иноязычные фразеологические заимствования в дидактических произведениях. В связи с распространением буддизма в Монголии через посредство уйгуров с XIII по XVII вв. происходит проникновение в старомонгольский язык уйгурских фразеологических заимствований. К ним относятся сочетания: **ерлиг хаган** — хозяин ада (букв. царь Эрлик), **сансар-ун далаи** — необъятный материальный мир (букв. море материального мира), **бурхан-у ном** — учение Будды, которые встречаются в уйгурском тексте X в. «Золотой блеск»[4].

Характерной особенностью таких беспереводных заимствований является то, что они сохранили свою лексико-грамматическую структуру, претерпевая лишь незначительные фонетические изменения.

По сравнению с уйгурскими тибетские фразеологические заимствования в дидактических произведениях встречаются в большем количестве и в основной своей массе проникли в старомонгольский язык под влиянием буддизма Дзонхавы, начиная с XVII в.

Среди тибетских фразеологических заимствований чаще всего в дидактических произведениях встречаются фразеологические кальки. Например, сочетания **гурбан эрдени** — бог, учение, община (букв. три драгоценности) и **тегүнчилен ирегсен** — перифраз Будды (букв. пришедший, как он) соответственно образовались в результате кальки-

рования тибетских **дкон-мчхог-гсум** и **де-бжин-гшегс-па**, которые при заимствовании не утратили прямых и переносных значений компонентов.

Значительно реже, чем фразеологические кальки, зафиксированы в дидактических произведениях фразеологические полукальки из тибетского языка. Например, сочетание **идам мандал** — обиталище богов (букв. стихия покровителей) образовалось в результате полукалькирования тибетского **йи-дам дкйил-акхор**, один из компонентов которого при этом переведен на монгольский язык соответствующим словом, а другой сохранен в том же виде.

Наряду с кальками и полукальками в очень редких случаях в дидактических произведениях встречаются беспереводные фразеологические заимствования из тибетского языка. Сочетание **Джандан джу** — многоликий Будда (букв. сандаловый владыка), соответствует тибетскому **цан-дан-джо-бо**, претерпевшему при прямом заимствовании лишь некоторые звуковые изменения.

Кроме того, в дидактических произведениях отмечены фразеологические заимствования из маньчжурского, китайского и санскритского языков. Примерами фразеологических заимствований из этих языков являются сочетания **дһарма пада** — правило в стихах, **кебеи ванг** — советник князя, **хунг тайиджи** — принц, которые соответственно образовались от санскр. **дһарма пада**, маньчж. **кебеи ванг**, кит. **хуан-тайцзы**. Однако фразеологические заимствования из маньчжурского, санскритского и китайского языков в старомонгольском не являются такими многочисленными, как, например, фразеологические заимствования из тибетского и уйгурского языков. Это объясняется тем, что на развитие и зарождение жанра дидактических произведений, следовательно, фразеологического фонда этой литературы, большое влияние оказал буддизм, распространившийся в Монголии через непосредственные контакты тибетского и уйгурского языков со старомонгольским. Через их же посредство появились и санскритские заимствования. Маньчжурские и китайские фразеологические заимствования проникли в старомонгольский язык в связи с господством маньчжурских захватчиков в Монголии.

Вместе с тем по особенностям лексического состава среди фразеологических оборотов дидактических произведений можно выделить такие основные группы:

а) фразеологизмы, состоящие из слов, наличествующих в ранних источниках древнемонгольского языка и имеющих исконно монгольское происхождение: **джүгелен үге**—мягкое слово, **джүгелен агали** — мягкий характер, **хагархаи аман** — болтун (букв. рваный рот) и др.;

б) фразеологизмы, имеющие в своем составе слова, язык-источник которых трудно установить. Допустим, слова, встречающиеся в тюркских и монгольских языках: орх. **төрү** — власть, правление, др.-монг. **төрү**, орх. **каган** — царь, государь, император, др.-монг. **хаган** и орх. **тнгри** — **небо**, др-монг. **тнгри** в качестве компонентов сочетаний **түрү-йи баригчи** — правитель, государь, **тнгри-йин күбегүн**—перифраз Чингисхана (букв. сын неба) и **дегедү хаган** — всевышний царь, могли возникнуть в древнетюркском, древнемонгольском языках, либо алтайском праязыке, но в каком из них они первоначально появились до сих пор в монгольском и тюркском языкознании не установлено;

в) фразеологизмы, имеющие в своем составе по одному заимствованному слову: **боди седкил** — добротельное сердце, **ном үйиледкү** — совершить добродетельность (букв. производить книгу) и **блама-йи джалаху** — пригласить монаха (букв. направить монаха). В них компоненты **боди** (добродетельный), **ном** (книга) и **блама** (монах) восходят соответственно к санскритскому, греческому и тибетскому языкам;

г) фразеологизмы, образованные сочетанием компонентов, заимствованных из разных языков: **бадма линхуа** — лотос, **ном шашин** — буддизм (букв. книга, религия), **судур ном** — буддизм (букв. сутра, книга) и **буйан килинче** — добродетельность, грех (букв. добродетельность, грех). Они состоят соответственно из слов санскритского и китайского, греческого и санскритского, санскритского и греческого, санскритского и уйгурского происхождения;

д) фразеологизмы, образованные сочетанием компонентов, заимствованных из одного и того же языка: **шашин ердени** — буддизм (букв. религия, сокровище) и **чиндамани ердени** (драгоценность, сокровище). Они состоят из слов санскритского происхождения. Если фразеологические обороты имеют в своем лексическом составе заимствованные из одного иностранного языка слова, то это не означает, что данные сочетания являются иноязычными фразеологическими заимствованиями, так как их состав-

ляющие элементы как отдельные слова проникли в монгольский язык и они как фразеологизмы первоначально возникли в монгольском языке[5];

е) фразеологизмы, имеющие в своем составе архаизмы: **богол чибегчин** — раб, слуга, **ериту мече** — лезвие, меч и **инагши чинагши** — туда, сюда. Компоненты **шибегчин** (слуга), **мече** (меч) и **чинагши** (туда) вне приведенных сочетаний в старомонгольском языке встречаются очень редко;

ж) фразеологизмы, имеющие в своем составе антонимы: **хатагу джүгелен** — твердый, мягкий, **күндү күнгген** — тяжелый, легкий и **сайин магу** — хорошее, плохое;

з) фразеологизмы, образованные сочетаниями синонимов: **үджескүленг гуа** — прекрасный, красивый, **үлджеи хутуг** — счастье, благополучие, **енгке амугуланг** — мир, спокойствие и **ед тавар** — вещь, товар.

Фразеологические антонимы. Среди фразеологизмов дидактических произведений встречаются обороты, которые, подобно лексическим единицам, вступают между собой в антономические отношения.

Специфической особенностью бинарных фразеологических антонимов старомонгольского языка является то, что они содержат в своем лексическом составе по одному или более слов, имеющих противоположные значения, за счет которых создается у них антонимическая соотносительность. Остальные их компоненты обычно совпадают друг с другом. Например, во фразеологических антонимах **үндүр иджагур** — высшее происхождение и **доорду иджагур** — низшее происхождение, **ширүгүн үге** — грубое слово и **джүгелен үге** — мягкое слово, **худал үге** — лживое слово и **үнен үге** — правдивое слово, **чаган седкил** — добродушие (букв. белая душа) и **хара седкил** — злонамеренность (букв. черная душа), **чаган үйиле** — добрый поступок (букв. белое действие) и **хара үйиле** — злонамеренный поступок (букв. черное действие) первые компоненты обладают противоположными значениями, а вторые являются одинаковыми.

Кроме того, понятия, обозначаемые фразеологическими антонимами, в совокупности могут иметь одно общее наименование. Например, понятия, обозначаемые фразеологическими антонимами **амур джайаган** — хорошая судьба и **магу джайаган** — плохая судьба имеют одно общее наименование **хойар джайаган** — две судьбы.

Далее, по их значению среди фразеологических антонимов можно выделить различные группы. Так, очень многие фразеологические антонимы являются обозначениями буддийских понятий, потому что буддийская философия рассматривает многие явления, касающиеся человеческого общества и окружающего его мира, как противоположности. К ним относятся фразеологические антонимы **хогусун чинар** — нематериальный мир (букв. пустое качество) и **мүн чинар** — материальный мир (букв. реальное качество), **джүб ном-ту** — правоверный (букв. с правильной книгой) и **бурүгү ном-ту** — иноверец (букв. с неправильной книгой), **халагун таму** — горячий ад и **күйитен таму** — холодный ад.

Фразеологические синонимы. Фразеологические синонимы обозначают одно и то же понятие, но различаются лексико-грамматической структурой и экспрессивно-стилистическими оттенками. Например, фразеологизмы **дере нигедкү** — жениться (букв. соединить подушки), **гер болху** — жениться (букв. стать домом) и **гергеи абуху** — жениться (букв. взять бабу), обозначающие одно и то же понятие, соответственно обладают повышенной, нейтральной и пониженной стилистической окраской.

В дидактических произведениях существует большое количество фразеологических синонимов разного содержания и вида. Среди них самыми многочисленными являются синонимы, образованные как наименования различных богов, святых, предметов, явлений, действий, связанных с буддийской религией. Например, в качестве названий Будды встречаются перифразы, составляющие следующие фразеологические синонимы: **хамуг-и айиладугчи** (букв. изрекающий все), **гем-и барагсан** (букв. преодолевший грех), **ном-ун еджен** (букв. хозяин веры), **бурхан багши** (букв. учитель-Будда), **ердем-и тегүсүгсен** (букв. закончивший знания), **үнекер тогулугсан** (букв. действительно закончивший), **тегүнчилен ирегсен** (букв. пришедший, как он), **дайин-и даругсан** (букв. подавивший войну), **сургал-ун багши** (букв. учитель учения), **ойун-и егүскегчи** (букв. размножающий способность) и **үнэн-и үгүлегчи** (букв. изрекающий истину).

Фразеологические обороты могут быть синонимичными не только между собой как в приведенных выше примерах, но и могут быть синонимичными с отдельными словами. Так, сочетания **таргун-у чаг** — осень (букв. жирное время),

хойар күл-тү — человек (букв. двуногий), **оруи-йин чимег** — монах (букв. украшение макушки) и **модун-у халисун** (букв. оболочка дерева) соответственно являются синонимами слов **намур, блама** и **холтусу.**

Фразеологические варианты. Фразеологическими вариантами называются обороты, семантически полностью совпадающие, но отличающиеся либо грамматическим оформлением, либо вариантными компонентами. Например, фразеологические варианты **лу-йин дагун** (букв. голос дракона), **тнгри-йин дагун** (букв. голос неба) и **огтургуи-йин дагун** (букв. голос неба) обозначают одно и то же понятие «гром» и имеют различные первые и одинаковые вторые компоненты. Слова **тнгри** и **огтургуи** в отличие от **лу** обладают одинаковыми значениями. Вообще, во фразеологических оборотах компоненты, создающие вариантность, могут синонимироваться, но этого может и не быть.

Фразеологические эвфемизмы. Эвфемизм — это «смягчающее обозначение какого-либо предмета или явления, более мягкое выражение вместо грубого. **Она в интересном положении** вместо **она беременна. Не сочиняйте** вместо **не врите. Туалет** вместо **уборная**»[6].

В дидактических произведениях старомонгольского языка встречается довольно большое количество фразеологических эвфемизмов. Так, некоторые неприличные слова, относящиеся к отправлению естественных потребностей человека, в обществе заменялись эвфемизмами. При этом обычно употреблялся эвфемизм **мори хараху** (букв. смотреть коня).

Путем эвфемизмов передавались сообщения, неприятные для слушающего. Например, чтобы не говорить слово **үкүкү** — умирать, его заменяли эвфемистическими выражениями **бурхан-дур одаху** (букв. отправляться к богу), **хутуг олху** (букв. найти блаженство), **түрүл абуху** (букв. получить перерождение) и др.

Кроме того, чтобы не употреблять табуизмы (запретные слова), люди заменяли их эвфемизмами. Раньше монголы считали, что человек, произносивший вслух названия различных болезней, мог их навлечь на себя. Названия таких болезней заменялись эвфемизмами. Например, оспа в старомонгольском языке именовалась как **чаган бурхан** (букв. белый бог) кроме своего первоначального наименования **чечег ебедчин.**

Характерной особенностью фразеологических эвфемизмов дидактических произведений старомонгольского языка является то, что они имеют иносказательный характер и лексико-грамматическую структуру словосочетаний.

ЭКСПРЕССИВНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБОРОТОВ

По экспрессивно-стилистической окрашенности среди фразеологических оборотов дидактических произведений можно выделить следующие группы:

а) фразеологические обороты, встречающиеся во всех стилях старомонгольского языка и имеющие нулевую стилистическую окраску: **насу баруху** — умирать (букв. закончить годы), **туса күргүкү** — оказать помощь (букв. довести помощь), **черег-тү одху** — идти на войну и др. Такие фразеологические обороты являются как бы стилистически нейтральными по сравнению с синонимичными им фразеологическими оборотами и словами, имеющими повышенную и пониженную стилистическую окраску[7]. Ср. обороты со значением «умирать»: **насу баруху** (букв. кончить жизнь), **ечүс дүр күрүкү** (букв. подойти к концу), **бурхан-дур одху** (букв. отправляться к богу) и **үкүкү** — сдохнуть;

б) фразеологические обороты, отличающиеся своей специфической «сниженной» экспрессивно-стилистической окраской (ласка, брань, ирония, презрение, шутка, фамильярность и т. д.)[8] и встречающиеся в разговорно-бытовой речи: **еме абуху** — жениться (букв. взять бабу), **гергеи абуху** — жениться (букв. взять бабу), **еме кикү** — жениться (букв. делать бабу) и др.

Специфические экспрессивно-стилистические особенности этих фразеологических оборотов выявляются при сравнении их с синонимичными им фразеологическими оборотами и словами, имеющими стилистически нейтральную и повышенную окраску. Ср. обороты со значением «жениться»: **еме абуху** и **гер болху** (букв. стать домом), **дере нигедкү** (букв. соединить подушки);

в) фразеологические обороты, выделяющиеся книжным характером употребления и обладающие «...специфической «повышенной» экспрессивно-стилистической окраской (книжность, торжественность, патетичность, поэтичность и т. д.)»[9]; **буйан-у садун** — монах (букв. родственник религии), **дайин-и даругсан** — Будда (букв. подавивший войну),

үгелиге-йин еджен — простолюдин (букв. хозяин милостыни).

Специфические экспрессивно-стилистические особенности рассматриваемых фразеологизмов выявляются тогда, когда они сравниваются с общеупотребительными лексическими синонимами. Ср.: **буйан-у садун** и **блама.**

Художественно-изобразительные особенности фразеологических оборотов. В структуре фразеологических оборотов дидактических произведений используются различные художественно-изобразительные средства языка. Назовем наиболее употребительные.

Сравнение. При сопоставлении двух сходных между собой по каким-нибудь признакам предметов образуется сравнение. Например, во фразеологическом выражении **йерү хойар күмүн еб-теи болбасу темүр күрийе метү беки, хорин күмүн еб үгеи болбасу ебдеркеи күрийе метү кебрег** — Когда два человека дружны, они крепки, как железная ограда, а двадцать недружных людей слабы, как сломанная ограда. Дружные и недружные люди сравниваются соответственно с железной и сломанной оградами.

Метафора. Основу образования метафоры, как и сравнений, составляет сопоставление двух предметов. Например, во фразеологическом обороте **алтан гургулдаи** (соловей) наблюдается сопоставление птицы с золотом ввиду сходства их цвета.

Фразеологические обороты, содержащие метафоры и сравнения, отличаются между собой тем, что в них слова, употребляемые как метафоры, имеют переносное значение, а слова, употребляемые для сравнения, — прямое.

Кроме того, фразеологизмы, содержащие сравнения, употребляются с частицами **метү, адали** — подобный. Так их различия можно наблюдать при сравнении сочетаний, содержащих метафору и сравнение: **алтан делкеи** — золотой мир; **Ханилагсан нүкүр-ийен хагурбасу, харин бейе-бен хагуругсан адали болойу** — Если обманываешь своего товарища, то это подобно тому, что ты обманываешь самого себя.

Эпитеты. В отличие от метафоры эпитет содержит эмоциональную окраску и субъективно-оценочное отношение к определяемому им объекту. Например: **джүгелен седкил** — мягкий характер (букв. мягкая душа). Подавляющее количество эпитетов фразеологических оборотов в дидактичес-

ких произведениях представлено прилагательными и наречиями: **чаган үйиле** — благодеяние (букв. белое действие), **дегеде тнгри** — всевышнее небо и др.

Иносказание. Главной особенностью иносказания является то, что через посредство примеров, характеризующих животный мир и неодушевленные предметы, показываются общественные отношения. Например, фразеологизм **Чубуджу йабугсан барс-ача чугладжу сагугсан шагаджагаи дегере** (Сороки, собравшиеся в стаю, сильнее, чем тигры, идущие гурьбой) содержит в себе смысл, подразумевающий дружбу людей.

Олицетворение. На основе сходных свойств и признаков неодушевленного мира описываются предметы одушевленные, благодаря чему образуется олицетворение. Например, во фразеологизме **тнгри дагу гарху** — греметь (о громе) (букв. говорить небу) компонент **дагу гарху** — говорить, обозначающий действие человека, в данном случае указывает на определенное свойство неодушевленного предмета — неба.

Перифраз. Для придания речи оттенка возвышенного или высокого стиля употребляется перифраз. При этом происходит замена одного обозначения понятия другим его определением, имеющим более повышенную стилистическую окраску по сравнению с предыдущим: вместо слова **үкүкү** — умирать, имеющего стилистически пониженную окраску, иногда употребляется синонимичное ему сочетание **түрүл абуху** (букв. получить перерождение) со стилистически повышенной окраской.

Синекдоха — это обозначение какого-либо понятия названием его определенной части. Например, фразеологизм **хойар күл-тү** — человек (букв. двуногий), в прямом значении являющийся названием определенной части тела человека, в переносном значении употребляется как обозначение самого человека.

Гипербола. При преувеличивании определенных свойств и признаков предмета с целью придать ему характер величия, могущества и т. д. образуется гипербола: во фразеологическом обороте **Далаи лама** — Далай лама (букв. море-монах) первое слово является гиперболической метафорой, определяющей второе, преувеличивающей действительные размеры человека и представляющей его подобным морю.

Параллелизм. При «образном сопоставлении двух сход-

ных явлений, выраженных композиционно в виде параллельно расположенных фигур»[10], возникает параллелизм. Например, **Ере кҮмҮн келегсен Үге деген кҮркҮ бишиу, агта морин джоригсан гаджар кҮркҮ бишиу** — Не должен ли мужчина выполнить свое обещание, а хороший конь — дойти до места, куда он идет. Такой прием, обладающий эффективным изобразительным и выразительным свойством, часто используется во фразеологических оборотах дидактических произведений, имеющих форму изречений.

Итак, фразеологические обороты дидактических произведений по своим художественно-изобразительным особенностям являются весьма разнохарактерными.

Ритмико-мелодические особенности фразеологических оборотов дидактических произведений старомонгольского письменного языка. Вместе с образованием лексико-грамматической структуры фразеологических оборотов возникают их ритмико-мелодические особенности.

Здесь применяются следующие наиболее употребительные художественно-выразительные средства языка.

Аллитерация. Повторение одинаковых звуков или их сочетаний в начальных словах строк фразеологических оборотов дидактических произведений, имеющих форму изречений и состоящих из двух строк, составляет аллитерацию. Во фразеологическом обороте **Геген джула ҮчҮкен болбачу гер-теки харангхуи-йи арилган чидамуи** (Хоть мала светлая лампадка, она сможет в доме рассеять тьму) аллитерация содержится в начальных словах **геген** (светлый) и **гер-теки** (в доме) двух параллельных строк. Аллитерация придает фразеологическим оборотам музыкально-мелодическое звучание.

Рифма — это повторение одинакового комплекса звуков в последних словах двух параллельных строк фразеологических оборотов дидактических произведений, имеющих форму изречений: **Үбер-Үн болбасу нохаи-йи-чу болба ҮмҮгеремҮи, бусуд-ун болбасу бурхан-и-чу болба оркимуи** — Если своя, то даже за собаку заступится, а если чужой, то даже бога покинет. Здесь рифмуются слова **ҮмҮгеремҮи** — заступится и **оркимуи** — покинет. Рифма, как и аллитерация, придает фразеологическим оборотам музыкально-мелодическое звучание.

Анафора. Повторение одного и того же слова в начале двух параллельных строк фразеологических оборотов ди-

дактических произведений, имеющих форму изречений, составляет художественно-выразительный прием — анафору, создающую музыкально-мелодическое звучание. Например, анафора встречается во фразеологическом обороте **Сайин күмүн-дү нүкүр олан бишиу, сайин морин-ду еджен олан бишиу** — Не у хорошего ли человека много друзей, не у хорошего ли коня много хозяев?

Эпифора придает музыкально-мелодическое звучание фразеологическим оборотам дидактических произведений путем повторения одного и того же слова в конце двух параллельных строк: **Гем кибесү чагаджа берке, килинче кибесу таму берке** — Если совершить преступление, то при казни будет тяжело, а если совершить грех, то в аду будет тяжело.

Ритмико-мелодическая сторона является самой изменчивой частью фразеологических оборотов по сравнению с их лексико-грамматическим составом. Они постоянно подвергаются преобразованиям и усовершенствованиям в процессе частого их употребления и воспроизведения.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ ФОНД ДИДАКТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ СО СТОРОНЫ ЕГО АКТИВНОГО И ПАССИВНОГО ЗАПАСА

Основной фразеологический фонд дидактических произведений представляют такие общеупотребительные фразеологические обороты, как **еке бичиг** — оригинал (букв. мать-письмо), **ном шашин** —буддизм (букв. книга-религия), **нерэйи олху** — завоевать славу (букв. найти имя), **ном үйиледкү** — совершить добродетельность (букв. производить книгу), **үджел бариху** — придерживаться взгляда (букв. держать идею) и др. Это его активный запас. Они являются фразеологизмами, встречающимися во всех стилях старомонгольского языка и обладающими нейтральной стилистической окраской, или фразеологизмами, встречающимися в книжной речи и обладающими повышенной стилистической окраской.

Далее, во фразеологическом фонде дидактических произведений есть и такие обороты, которые употребляются очень редко и составляют его пассивный запас.

В число этих сочетаний входят фразеологические арха-

измы: **терс ном-ту** — иноверец, **ерлиг чидкүр** — черт и **хара ирген** — простолюдин (букв. черный поданный). По сравнению с ними наиболее употребительными в дидактических произведениях являются синонимичные им фразеологические обороты **буругу номту** — иноверец (букв. с неправильной книгой), **албин чидкүр** — черт (букв. дух-черт) и **хара күмүн** — простолюдин (букв. черный человек).

Малоупотребительны и фразеологические историзмы: **еритү мече** — меч (букв. лезвие, меч), **ному сому** — лук, стрела (букв. лук, стрела), **анг аба** — облава (букв. зверь, охота), которые отошли к пассивному фразеологическому фонду языка ввиду утраты актуальности в данную историческую эпоху обозначаемых ими явлений действительности.

Кроме того, к пассивному запасу фразеологического фонда дидактических произведений относятся обороты, которые в свое время воспринимались как фразеологические неологизмы (**джүб мүр** — праведный путь, **бурхан-у орон** — обиталище богов (букв. страна богов), **буйан-у үре**—плод благодеяния и др.) и которые появились в старомонгольском языке вместе с распространением буддизма в Монголии. Эти сочетания, став общеупотребительными, вошли в активный запас фразеологического фонда и перестали быть неологизмами. В настоящее время они отошли к пассивному фонду.

Далее, к этой группе фразеологических оборотов примыкают сочетания разговорно-бытовой речи. Например, фразеологизмы, обозначающие понятие «умирать», **үкел ирекү** (букв. приходить смерти), **үкүл күрүкү** (букв. дойти смерти) и **гаджар-дур одху** (букв. уйти под землю), в дидактических произведениях встречаются очень редко по сравнению с их более употребительными синонимами **бурхан-дур одху** (букв. отправляться к богу), **хутуг олху** (букв. найти благополучие) и **түрүл абуху** (букв. получить перерождение), имеющими книжный и межстилевой характер употребления.

ВЛИЯНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ФОНДА ДИДАКТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ НА СОВРЕМЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК

Фразеологический фонд дидактических произведений оказал непосредственное влияние на становление и развитие фразеологии современных монгольских языков. Так,

очень многие изречения и афоризмы дидактических произведений зафиксированы в современных монгольских языках. В частности, такие фразеологизмы дидактических произведений, как **Ердени еликү тудум үнгге гарудаг, ере күмүн джобаху тудум ердем немедег** — Чем больше будет изнашиваться драгоценный камень, тем он будет красивее, а чем больше мужчина будет испытывать мучения, тем он будет умнее; **Магу күмүн-дү күргегсен туса, худжир-таи гаджар таригсан тарийа** — Помощь, оказанная плохому человеку, подобна семенам, посеянным на солончаке, в тех же значениях встречаются в современном бурятском языке (**Эрдэни шулуун элэхэ бүреэ үнгэ ородог, эрэ хүн зобохо бүреэ шадал ородог**[11], **Муу хүндэ хүргэһэн туһа—хужартай газарта тариһан таряан**).

Такое пополнение фразеологического фонда современных монгольских языков за счет фразеологизмов дидактических произведений объясняется тем, что данный жанр дидактических произведений, как и старомонгольский письменный язык в целом, бытовал у большинства монгольских народов[12]. Например, дидактическое произведение **Ойун түлкигүр** «Ключ разума» был популярным среди бурят, ойрат и халхасцев, поэтому фразеологизмы, содержащиеся в нем, становились достояниями многих монгольских народов.

Между тем следует заметить, что не все фразеологические обороты дидактических произведений перешли в активный запас фразеологического фонда современных монгольских языкова некоторые из них превратились во фразеологические архаизмы и историзмы и перешли в пассивный фразеологический запас современных монгольских языков.

Утратив актуальность значения в данную историческую эпоху, они не употребляются в живой речи современных монгольских языков и могут встречаться только в художественных произведениях, исторических исследованиях для того, чтобы писатель или ученый в своей работе мог восстановить или воссоздать картину, отражающую характер быта, нравы и уклад жизни людей того периода, в который такие сочетания существовали в активном запасе старомонгольского письменного языка. Так, фразеологизмы дидактических произведений **дегеду түрүл** — высшее происхождение (букв. высшее рождение), **хойиту түрүл** — перерождение (букв. последующее рождение) и **таму-йин орон** — место ада (букв. страна ада) в том же значении встречают-

ся в романе Х. Н. Намсараева в качестве фразеологических историзмов: **дээдэ түрэл, хойто түрэл** и **тамын орон**[13].

В данном случае необходимо отметить, что в разряд фразеологических архаизмов современных монгольских языков в основном попали фразеологические обороты, отражающие церковно-феодальную идеологию и обозначающие религиозно-буддийские понятия, которые ввиду социально-экономических изменений общественного строя утратили свое значение в практической жизни общества. К ним относятся фразеологизмы дидактических произведений **Ердем-тү блама-йин танггариг-и бү ебде, еджед хад-ун джарлиг-и бү даба** — Не нарушай обет ученого монаха и не нарушай приказ властителей и **Еджен үгеи түшимел джадагаи, ере үгеи еме джадагаи** — Чиновник без хозяина распутен, женщина без мужа распутна, которые не употребительны в современных монгольских языках.

По сравнению с ними долговечными оказались фразеологические обороты, в которых отразились обобщения, сделанные простым народом: **Сайин морин-ду еджен олан, сайин күмүн-дү нүкүр олан** — У хорошего коня много хозяев, а у хорошего человека много друзей; **Үнир күмүн еб үгеи болбасу үнүчин күмүн-ү елег болху** — Если многие родственники не дружны, то они станут посмещищем сироты, которые в том же значении встречаются в современном монгольском языке: **Сайн моринд эзэн олон, сайн хүнд нөхөр олон**[14] и **Өнөр олон боловч, эвгүй бол өнчин хүний доог болно**[15].

---

[1]Джагун билиг.— С. 112—117.
[2]Указ. соч. —С. 117—119.
[3]См.: Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. —Л., 1929. —С. 25.
[4]См.: Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. —М.—Л., 1951. —С. 173—179.
[5]См.: Вандуй Э. Монгол хэлний хоршоо үгийн тухай//Шинжлэх ухаан техник, 1955. —№ 3.
[6]Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. —М., 1985. —С. 391.
[7]См.: Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. —М., 1969. —С. 195.
[8]См.: Указ. соч. —С. 196.
[9]Указ. соч. —С. 197.
[10] Рубайло А. Т. Художественные средства языка. —М., 1961. —С. 75.
[11]См.: Намсараев Х. Н. Үүрэй толон.—Улан-Удэ, 1959. —С. 258.

[12]См.: Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. —Л., 1929. —С. 25.

[13]См.: Намсараев Х. Н. Үүрэй толон. —Улан-Удэ, 1959. —С. 101, 102, 168.

[14]Мишиг Л., Содном Б. Монгол ардын зүйр үг. — Улан-Батор, 1956. —С. 53.

[15]Там же. —С. 72.

ГЛАВА IV

ТЕМАТИЧЕСКОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ ДИДАКТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

В собранном нами материале полностью или совсем отсутствуют некоторые тематические группы фразеологизмов старомонгольского языка, потому что в дидактических произведениях, как в отдельном жанре устной и письменной литературы ранних монголов, содержатся фразеологизмы, составляющие лишь малую частицу того огромного фразеологического богатства старомонгольского языка, которое имелось в нем. Между тем из этого материала можно получить вполне ясное представление о многих тематических группах фразеологических оборотов старомонгольского языка.

Наиболее употребительные фразеологические обороты дидактических произведений можно распределить на следующие тематические группы.

1. ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ НЕЖИВУЮ ПРИРОДУ

Растительный мир. Для обоозначения отдельного вида растительного мира употребляется фразеологизм **ургумул махабуд** — растительный элемент.

В качестве наименований предметов растительного мира встречаются фразеологизмы, обозначающие деревья, цветы и травы. Например, **алимад модун** — яблоня, **джандан модун** — сандал, **хулусун модун** — бамбук, **бадма линхуа** — лотос, **саран чечег** — красная дикая лилия (букв. лунный цветок), **хонгур джула** — серпуха луговая (букв. светло-желтая лампадка).

Металлы и камни. К этой группе относятся фразеологизмы: **алта мүнггүн** — золото, серебро, **шиджир алтан** — червонное золото, **молур ердени** — топаз (букв. топаз, сокровище), **усун болур чиндамани** — горный белый хрусталь (букв. драгоценный водный хрусталь), **ширу номин** — желтый лазурит, **ширу субуд** — желтый жемчуг.

Обобщенным названием семи различных драгоценных металлов и камней: золота, серебра, жемчуга и т. д. является фразеологизм **долуган ердени** (букв. семь сокровищ).

Небесные светила. Известно, что монголы с древнейших времен занимались астрономией, поэтому не удивительно, что в старомонгольском языке сохранилось очень много фразеологизмов, обозначающих небесные светила и их фазы. Некоторые из них встречаются в дидактических произведениях. Например, **арбан табан-у саран** — полнолуние (букв. луна пятнадцатого), **тергел саран** — полнолуние, **долуган ебүген** — Большая Медведица (букв. семь стариков), **наран саран** — солнце, луна, **үде-йин наран** — полуденное солнце.

Мир. Для того, чтобы подчеркнуть многообразие мира, древние монголы употребляли фразеологизм **үнгетү джиртенчү** — разноликий мир (букв. разноцветный мир). А фразеологизм **саба джитенчү** — мир-вместилище (букв. мир-сосуд) характеризует объем этого мира.

Вселенная. Для обозначения бесконечности и бескрайности вселенной употребляется фразеологизм **орчиланг-ун далаи** — море вселенной, один из компонентов которого **далаи** имеет переносное значение «бесконечный, огромный».

Земля. Разные стороны понятия «земля» характеризуют фразеологизмы **атар гаджар** — целинная земля, **гаджар-ун джирүкен** — ядро земли, **гаджар-ун санг** — сокровищница-земля и **хари-йин гаджар** — чужеродная земля.

Океан. Обозначением понятия «океан» является фразеологизм **гадагаду далаи** (букв. внешнее море).

Реки. Собственными названиями рек являются фразеологизмы **Онон хатун** — река Онон (букв. царица Онон), **Керүлүн мүрен** — река Керулен и **Хатун мүрен** — река Хатун (в северной части Китая), букв. царица-река.

Горы. В качестве собственных названий гор употребляются фразеологизмы **Алтаи хан** — гора Алтай (букв. царь Алтай), **Будаланг агула — гора Будалан** (одна из вершин Гималайских гор), **Кентеи хан** — гора Хэнтэй (букв. царь

Хэнтэй) и **Часута агула** — Снежная гора (одна из вершин Гималайских гор).

Местности. Для обозначения различных местностей используются фразеологизмы **агула-йин үбер** — солнечная сторона горы, **гоол-ун джаха** — берег реки, **далаи-йин күбеге** — побережье моря и **мүрен-ү екин** — исток реки.

Явления природы. Для характеристики процесса выпадения дождя и снега употребляются фразеологизмы **боруган асхарху** — лить дождю, **боруга оруху** — идти дождю (букв. заходить дождю), **хура багуху** — идти дождю (букв. спуститься дождю), **хура оруху** — идти дождю (букв. заходить дождю), **часу оруху** — идти снегу (букв. заходить снегу) и **часу унуху** — идти снегу (букв. падать снегу).

В значениях «белое как вата облако», «появиться облаку», «появиться радуге» даются соответственно фразеологизмы **күбүнг чаган егүлен** (букв. белое ватное облако), **егүлен гарху** (букв. выходить облаку), **солунга татаху** (букв. затянуться радуге).

Фразеологические синонимы **үр гейикү** (букв. сиять рассвету) и **үр чайиху** (букв. белеть рассвету) имеют значения «рассветать».

Явления захода и восхода солнца передаются сочетаниями **наран унаху** — заходить солнцу (букв. падать солнцу), **наран оруху** — заходить солнцу, **наран шинггикү** — заходить солнцу (букв. утонуть солнцу) и **наран ургуху** — всходить солнцу (букв. расти солнцу).

Фразеологизм **лу-йин дагун** — звук грома (букв. песня дракона) употребляется в значении «гром», а сочетание **айунга багуху** — греметь грому (букв. спуститься грому) характеризует определенное свойство указанного явления.

2. ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ ЖИВОТНЫЙ МИР

Для обозначения понятия «животный мир» употребляются фразеологизмы **амиду джиртенчү** (букв. живой мир) и **амитан-у орон** (букв. класс животных). Для отдельного представителя животного мира используют фразеологизм **адагусун амитан** — животное существо.

Домашние животные. Испокон веков кочевое скотоводство составляло основной вид хозяйства монголов. Вот почему в старомонгольском языке, в том числе в дидактичес-

ких произведениях, очень много фразеологических оборотов, связанных с этой отраслью производственной деятельности.

Для обозначения понятия «домашние животные» употребляется фразеологизм **адугу мал** (букв. конь, корова), а сочетание **бода** мал является наименованием крупного рогатого скота. В качестве обобщенного названия четырех видов скота (овцы, коровы, коня и верблюда) встречается фразеологизм **дүрбен хушигу мал** (букв. четырехрылый скот).

Особенно большое значение в хозяйственной и военной деятельности монголов придавалось коню: **ердени морин** — драгоценный конь и **күлүг морин** — богатырский конь.

Далее, к числу домашних животных монголов относились охотничьи и сторожевые собаки. Фразеологизм **хотачи нохаи** переводится как «сторожевой пес».

Звери. Здесь употребляются такие фразеологизмы: **арийатан-у хаган арслан** — лев (букв. царь зверей — лев), **арслан-у джулджага** — львенок (букв. детеныш льва), **хандагаи-йин джулджага** — лосенок (букв. детеныш лося) и **чинуа-йин джулджага** — волчонок (букв. детеныш волка).

Птицы. Монголы в старину не разводили домашних птиц, поэтому в старописьменном монгольском языке, в том числе в дидактических произведениях, встречаются в основном названия диких птиц. Например: **алаг шагаджагаи** — сорока, **алтан гургалдаи** — соловей, **ангир шибагун** — турпан, **керийе шибагун** — ворона, **күкүге шибагун** — кукушка, **тогус шибагун** — павлин, **тоти шибагун** — попугай, **харчагаи шибагун** — ястреб, **хайиргуна шибагун** — чайка, **хун шибагун** — лебедь, **үкер харийачаи** — касатка (букв. корова-ласточка), **шира шибагун** — филин (букв. желтая птица), **шонхор шибагун** — сокол.

Черви. Представителей животного и неживотного мира монголы подразделяли на классы. Так, разновидности червей, обозначаемые фразеологизмами **модун-у хорухаи** — короед (букв. червь дерева), **торган-у хорухаи** — шелкопряд (букв. червь шелка) и **үтү хорухаи** — личинка, объединялись в одну группу, называемую **хорухаи-йин айимаг** — класс червей. По-видимому, такой метод классификации был заимствован монголами у тибетцев и индийцев.

3. ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ ЧЕЛОВЕКА, ОБЩЕСТВО И ТРУД

Человечество. Для выражения понятия «человечество» употребляется фразеологизм **күмүн-ү джиртенчү** (букв. человек, мир); для понятия «мужчина» — фразеологизм **ере күмүн** (букв. самец-человек), а для понятия «женщина» — **еме күмүн** (букв. самка-человек).

Возраст. Возрастные особенности человека характеризуют фразеологизмы **бага насун** — детство (букв. малый возраст), **идэр джалагу** — молодой (букв. юный, молодой), **хара бага** — ребенок (букв. черный, маленький) и **хара нилха** — ребенок (букв. черный, новорожденный).

Беременность. Состояние беременности женщины передаются фразеологизмами **күл күндү**—беременная (букв. нога тяжелая) и **джирмүсүн болху** — стать беременной.

Жизнь. Понятие «жизнь» выражает фразеологизм **ами насун** (букв. дыхание-возраст), а сочетание **амин абураху** означает «спасти жизнь».

Смерть. В старописьменном монгольском языке многочисленные фразеологические синонимы выражают понятие «умереть». Некоторые из них встречаются в дидактических произведениях. Например: **амин-ану гарху** (букв. выходить дыханию), **амин-ану тасураху** (букв. прерваться дыханию), **амин-бан талбиху** (букв. отпустить дыхание), **амин-ача хахачаху** (букв. расстаться с дыханием), **гаджар-дур одху** (букв. уйти под землю), **насун-дур күрүкү** (букв. достигнуть возраста), **насу бараху** (букв. кончиться возрасту), **үкүл ирекү** (букв. приходить смерти).

Такое множество указанных синонимических сочетаний возникло в результате их употребления в эвфемистических и стилистических целях.

Душа. Различные качества души человека раскрывают фразеологизмы **багатур седкил** — богатырская душа, **боди седкил** — добродетельная душа, **джүгелен седкил** — мягкая душа, **санага амур** — со спокойной душой, **тебчикү седкил** — душа, воздерживающаяся от совершения грехов (букв. воздерживающаяся душа), **уйитан санага** — мелкая душа (букв. узкая мысль), **үнен джирүкен** — правдивая душа, **үрүшийекүи седкил** — милосердствующая душа, **хара седкил** — черная душа, **худал седкил** — лживая душа, **хурачахуи седкил** — похотливая душа, **чаган седкил** — добрая ду-

ша (букв. белая душа), **чинг седкил** — непоколебимая душа и **енерикү седкил** — гуманная душа.

Человеческое тело и его части. Наиболее крупные части человеческого тела передаются фразеологизмами: **ару бейе** — задняя часть тела (букв. заднее тело), **оруи бейе** — верхняя часть тела (букв. верх тела) и **теригүн бейе** — передняя часть тела (букв. переднее тело).

В качестве названий нижних конечностей человека употребляются сочетания **барагүн күл**—правая нога и **джегүн күл** — левая нога.

Верхние конечности человека обозначаются фразеологизмами **барагун гар** — правая рука и **джегүн гар** — левая рука, которые соответственно являются синонимичными выражениям **барагун мотор**—правая рука и **джегүн мотор** — левая рука. Последняя пара употребляется в возвышенном стиле, чаще всего в религиозно-буддийских сочинениях.

Более мелкие части человеческого тела передаются фразеологизмами **ама келе**—рот язык, **нидүн-ү чечегеи**—хрусталик глаза, **умаи-йин егүден**—отверстие чрева (букв. дверь чрева) и **егүден шидүн** — передние зубы (букв. дверь-зуб).

Фразеологизм **елиге джирүке** (печень, сердце) является общим наименованием внутренних органов человека.

Внешний вид. В значении «цвет лица» употребляется фразеологизм **үнгге чираи.** Понятие «прекрасный» выражает сочетание **үджескүленг гуа.** Фразеологизм **чираи-бан баруйиху** (букв. мрачнеть лицу) означает «мрачнеть».

Воля. Для характеристики волевых качеств человека употребляются фразеологизмы **багатур джориг**—богатырская смелость, **джориг джүгелен** — слабая воля, **хатагу джориг** — твердая воля и **чинг джориг** — непоколебимая воля.

Характер. Разные особенности характера человека выражают фразеологизмы **джүгелен абури** — мягкий нрав, **джүгелен агали** — мягкий характер, **джүгелен джанг** — мягкий характер и **түбшин агали** — спокойный характер.

Человека болтливого характеризуют фразеологизмы **ама джадагаи** (букв. открытый рот), **хахархаи аман** (букв. разорванный рот) и **хогосун аман** (букв. пустой рот), а молчаливого—фразеологизм **аман битэгү** (букв. закрытый рот).

Ум, способность и умение. Назовем многочисленные фразеологизмы, характеризующие различные качества и свойства ума человека, его способности и умение: **гүн уха-**

гату — глубокомыслящий, **хурча ухаган** — острый ум, **чечен мерген** — умный, мудрый, **ухуга бараху** — утрачивать ум, **арга билиг** — умение, способность, **арга джали** — умение, находчивость, **арга олху** — найти умение, **арга мухурдаху** — кончиться умению, **билиг мохуху** — утрачивать способности, **билиг-үн үре** — плоды способности, **ойун билиг** — талант, способность, **уран арга** — искусное умение и **хурча ойун** — острый ум.

Счастье и радость выражаются фразеологизмами амур **джиргаланг** — спокойствие, счастье и **үлджеи хутуг** — счастье, благополучие. Сочетание **байар түрүкү** употребляется в значении «появиться радости».

Сила. Фразеологизм **хатагу күчүн** (букв. твердая сила) употребляется в значении «непоколебимая сила». Фразеологические синонимы **күчүн багураху** (букв. убавиться силе) и **тамир барагдаху** (букв. кончиться силе) характеризуют ослабление жизненной силы человека.

Болезнь. Один из видов болезней характеризует фразеологизм **халагун кеджиг** — лихорадка (букв. горячая эпидемия).

Понятия «заболеть» и «вылечиться» соответственно выражаются сочетаниями **ебедчин күртекү** (букв. удостаиваться болезни) и **ебедчин-и даруху** (букв. подавить болезнь).

Несчастье, мучение и печаль. Для выражения данных понятий употребляются фразеологизмы **ада тодхур** — несчастье, неприятность, **уршиг түбег** — несчастье, неприятность, **джобаланг амасаху** — перенести мучение, **джобаланг-ун далаи** — море мучений, **джобаланг түрүкү** — появиться мучению, **күндү джобаланг** — тяжелое мучение, **седкил джобаху** — страдать душой, **шибшиг джобаланг** — позор, мучение и **уйидхар түрүкү** — появиться печали.

Речь. Понятие «говорить» передается фразеологизмом **дагун гарху** (букв. выходить голосу). Фразеологизм **үге бариху** (букв. держать слово) употребляется в значении «выступить».

Слово. К этой группе относятся фразеологизмы **джирүкен-ү үге** — сердечное слово, **джүгелен үге** — ласковое слово, **уран үге** — художественное слово, **ширүгүн үге** — жестокое слово, **хатагу үге** — твердое слово и **худал үге** — лживое слово.

Слава и авторитет. Общим названием данных понятий

является фразеологизм **алдар нере** — слава, имя. В значении «потерять авторитет» употребляются сочетания **нере-йи гутугаху** (букв. испортить имя) и **нере багураху** (букв. убавить имя), в значении «завоевать славу»—фразеологизм **нере-йи олху** (букв. найти имя).

Поступок. Отрицательные действия человека обозначаются фразеологизмами **буругу йабудал** — неправильный поступок, **керег үгеи йабудал** — ненужный поступок и **магу йабудал** — плохой поступок.

Вред. Понятие «вредить» выражается сочетаниями **хоора кикү** (букв. делать вред) и **хоора күргекү** (букв. довести вред).

Убийство. Фразеологизмы **кидуджу оркиху** (букв. убивая, оставить), **амин нитулху** (букв. резать жизнь) и **ами тасулху** (букв. прервать жизнь) употребляются в значении «убить».

Зло. Понятие «злоумышлять» выражается сочетанием **хара бодуху** (букв. думать черное). Фразеологизм **хара хоора** (букв. черный яд) означает «злодейство».

Месть. Сочетание **үшийе-бен абуху** (букв. взять месть) употребляется в значении «отомстить».

Обещание и клятва. В значениях «клясться», «обещать» и «дать клятву» употребляются фразеологизмы **ама абуху** (букв. взять рот), **ама алдаху** (букв. уронить рот) и **тангариг бариху** (букв. держать клятву).

Семейные и родственные отношения человека. Для обозначения понятия «род» употребляются фразеологизмы **обог иджагур** (букв. род, происхождение) и **уг иджагур** (букв. род, происхождение).

Фразеологические названия **уруг елиген** (букв. родственник, печень), **үрү елиген** (букв. потомок, печень), **елиге нигетеи** (букв. с одной печенью) и **елиген түрүл** (букв. печень, родственник) даются для понятия «близкие кровные родственники»; фразеологизмы **уруг түрүл** — родственник, свояк, **үри садун** — потомок, родственник, **түрүл садун** — родственник, свояк и **түрүл түдүм** — родственник, свояк—для понятия «далекие родственники», а фразеологизм **елинчег хулинчаг** — прапрародители (букв. прапрадед-прапрабабушка) — для понятия «самые далекие предки».

Понятие «потомок» выражается сочетанием **үре күбегүн** — букв. потомок сын.

Для обозначения различных семейно-родственных отно-

шений употребляются фразеологизмы **абга ачи** — дед, внук, **аха дегү** — брат, братишка (сестренка), **ачита еке** — добродетельная мать, **күбегүн ачинар** — сын, внучата, **күрген үкин** — зять, дочь, **түркүм еке** — мать жены, **түрүгчен еке** — родная мать, **үре кеүкен** — потомок, дочь, **хадам абу** — свекор, **хадам еджи** — свекровь, **хойиту герген** — вторая жена (букв. последующая баба), **хойиту еме** — вторая жена (букв. последующая женщина), **ебүген емеген** — прародители (букв. дедушка, бабушка), **ебүген ечеге** — дедушка (букв. дедушка-отец), **емеген еке** — бабушка (букв. бабушка, мать), **егечи дегү** — сестра, братишка (сестренка), **еке күбегүн** — мать, сын и **ечеге еке** — родители.

Брак. Понятие «вступить в брак» обозначается фразеологическими синонимами **дере нигедкү** (букв. соединить подушки), **гер болху** (букв. сделаться домом), **герген абуху** (букв. взять бабу), **герген болху** (букв. стать женой), **еме кикү** (букв. сделать женой), **ере еме болху** (букв. стать мужем и женой) и **еме абуху** (букв. взять женщину).

Государство и общественные отношения. В значениях «царство и государство» соответственно употребляются фразеологизмы **хаган түрү** (букв. царь, государство) и **улус түрү** (букв. народ, государство).

Для понятия «империя Чингисхана» употребляется фразеологизм **хас йеке түрү** (букв. большое яшмовое правление).

Для выражения понятий «царь», «император», «властитель» и «правитель» используются сочетания **богда хаган** (букв. августейший царь), **богда еджен** (букв. августейший хозяин), **дегедү хаган** (букв. верховный царь), **хаган еджен** (букв. царь, хозяин), **хаган ечеге** (букв. царь-батюшка), **түрү-йин баригчи** (букв. держащий правление) и **хан күмүн** (букв. царь-человек).

Сочетания **хаган-у йеке хатун** — старшая жена царя (букв. старшая госпожа царя), **хаган-у хатун** — царица (букв. царская госпожа), **хатун еке** — царица-матушка (букв. госпожа—мать), **хан күбегүн** — царевич (букв. сын царя) и **хунг тайиджи** (царевич) являются наименованиями членов царской семьи.

Наименование «придворные царя» передаются фразеологизмами **нойад байад** — князья, чиновники, **нойад түшимед** — князья, чиновники и **сайид нойад** — сановники, князья, наименования «подвластный народ хана», «отдельный

представитель народа» — фразеологизмами **улус irrgen** — простой народ (букв. народ-гражданин), **хара irrgen** — мирянин (букв. черный гражданин).

Для понятий «государственный закон», «создать государство», «управлять государством» и «царский трон» употребляются фразеологизмы **түрү-йин йосу, түрү-йи тогтагаху, түрү-йи бариху** и **хан ширеге.**

Фразеологизм **дотугаду йамун** (букв. внутреннее министерство) — это название министерства по внутренним вопросам государства.

Сочетания **сумун-у джангги** (эскадронный командир) и **кебеи ванг** (советник эскадронного командира) употребляются для названия административных лиц, введенных маньчжурско-китайскими захватчиками в Монголии.

Социально-классовую дифференциацию монгольского общества при феодализме характеризуют фразеологизмы **доорду иджагур** — низшее происхождение и **үндүр иджагур** — высшее происхождение.

Фразеологизмы **Арслан метү нойад-и барс метү түшимед дагаху** (За князьями, подобными львам, будут следовать сановники, похожие на барсов) и **Түрү йосун үлү медекү хад-ача түбшин сайин түшимед дегере геле** (Спокойные и добрые чиновники лучше, чем цари, не знающие государственных законов) выражают воззрения, касающиеся управления государством.

Друг и дружба. Фразеологизм **инаг нүкүр** употребляется в значении «сердечный друг».

Хорошие друзья ценились монголами наравне с родственниками. Такую мысль выражает фразеологизм **Уруг елиген түрүл биши болбачу итегелтеи нүкүр тусатаи** — Хоть он тебе не родственник, но верный друг бывает нужным.

Важность и полезность дружбы людей подчеркиваются фразеологизмами: **Йерү хойар күмүн еб-теи болбасу темүр күрийе метү беки, хорин күмүн еб үгеи болбасу ебдеркеи күрийе метү кебрег** — Хоть два человека, но если дружны, то крепки, как железная ограда, а двадцать недружных людей слабы, как сломанная ограда; **Сайин күмүн-дү нүкүр олан, сайин морин-ду еджен олан** — У хорошего коня много хозяев, а у хорошего человека много друзей; **Үнир күмүн еб үгеи болбасу үнүчин күмүн-ү елег болху** — Хоть и много родственников, но если они не дружны, то станут посмешищем одного сироты; **Хагачаши үгеи хани нүкүр-тү мар-**

таши үгеи магу үге-йи бү келе — Неразлучному своему другу не говори незабываемые плохие слова; **Чубуджу йабугсан барс-ача чугладжу сагугсан шагаджагаи дегере** — Сороки, собравшиеся в стаю, сильнее, чем тигры, идущие гурьбой.

Враг. В значениях «мстительный враг», «иноземный враг», «злобный враг» и «победить врага» употребляются сочетания **үсте дайисун, хари дайисун, хоортан дайисун** и **дайисун-и даруху.**

Классовые отношения. Дидактические произведения возникли в период существования феодальных отношений в Монголии, поэтому некоторые фразеологизмы пословично-поговорочного типа, содержащиеся в них, выражают интересы господствующего класса. Например: **Богда сайид метү туса-тан үгеи, буругу ном-тан метү хоор-тан үгеи** — Нет радетелей, подобных императору и чиновникам, а вредителей, подобных иноверцам; **Сечен сайин түшимел улус-ун ердени, сайин еме гер-үн ердени** — Умный и хороший чиновник — сокровище государства, а умная женщина — сокровище дома.

Вместе с тем в дидактических произведениях наличествуют фразеологизмы пословично-поговорочного типа, имеющие идейный смысл, противоречащий идеологии светских и церковных феодалов. Например: **Буругу болбасу хаган-у сагудал-ду сагубачу джайила**—Если ты не прав, то сойди даже с царского трона; **Ичигүри үлү медекү хатун-ача ичигүри медекү шибегчин дегере геле** — Лучше рабыня, знающая стыд, чем царевна, не знающая стыда; **Хобур номлал келекү-ни йеке номчи-йин дүритеи, хонин-у миха идекү-ни чинуа нохаи-йин шинултаи** — Он рассуждает с видом знатока, а баранину ест с аппетитом волка и собаки.

Наука. Понятие «наука» выражается фразеологизмом **ердем билиг** — знание, способность.

Фразеологизмы **ердем олху** (найти знание), **ердем тегүсүкү** (закончить образование), **ердем түрүкү** (зародиться знанию), **ердем-үн үйиле** (воздействие науки), **сургагули гаругсан** (прошедший школу) и **тегүс ердем** (полное образование) выражают различные понятия, входящие в данную тематическую группу.

Под влиянием буддийской философии монголы при классификации выделяли пять основных отраслей науки (теологию, логику, языкознание, ремесло и медицину), которые

имели общее фразеологическое название **ухаган-у табун орон** (букв. пять классов науки).

Для того, чтобы показать уважительно-возвышенное отношение к науке, употребляется фразеологизм **дегедү ердем** — высшее знание, где первый его компонент является эпитетом.

Необъятность науки подчеркивает фразеологизм **ердемүн далаи** — море знаний.

Монголы считали знание наилучшим видом богатства: **Ердем ном-ийар байалиг-и ерким кемемүи, ед тавар-ийар байалиг-и адаг кемемүи** — Знание является высшим богатством, а вещь — низшим богатством.

Необходимость и ценность научных знаний выражаются фразеологизмами **Ухаган ердем сурул үгеи демеи йабугчи тере күмүн удха-даган мал метү маши тенег аджугу** — Человек, не получивший знаний, по своему содержанию походит на глупый скот; **Үнекер чидал ердем тегүсүгсен күмүн кедүи гуйилинчи болбачу, үтеле байан тенег-үд-и сүрийер дарун чидаху**—Хоть и будет нищим истинный ученый, он всегда сумеет победить своим величием любых глупых богачей; **Үнен ердем алтан-дур адали** — Истинная наука как золото; **Үнен ердемтен есе омуглабачу бусад-ача дегере йабаху** — Хоть не будет хвалиться истинный ученый, он все равно будет лучше других; **Ердени еликү тудум үнгге гарудаг, ере күмүн джобаху тудум ердем немедег** — Чем больше будет изнашиваться драгоценный камень, тем он будет красивее, а чем больше будет испытывать мучения мужчина, тем он будет умнее; **Ере күмүн бейе-бен ед ийер чимегсен-ече ердем-ийер чимегсен тере дегере буй** — Мужчине лучше украшать себя знаниями, а не вещью.

Торговля. Фразеологизм **ед тавар** (букв. вещь, товар) употребляется в значении «вещь, товар». Понятие «заниматься торговлей» выражается сочетанием **худулдуга кикү** (букв. делать торговлю). В значениях «установить цену», «купить», «продать», «присвоить» и «прибыль» используются фразеологизмы **үне үгекү** (букв. дать цену), **худулдуч абху** (букв. торгуясь, брать), **худалдаджу идекү** (букв. распродав, съесть) и **олджа ашиг** (букв. добыча, выгода).

Охота играла важную роль в производственной деятельности монгольских народов.

Особенно большое значение придавалось монголами облавному виду охоты, который обозначался фразеологизм

анг аба — облава (букв. зверь-охота). Облавные охоты преследовали не только хозяйственные цели, но и задачи военной тренировки.

Основным орудием охоты был лук, который обозначался фразеологизмом **ному сомун** (букв. лук, стрела).

Жилище. Юрты считались основным видом жилища монголов. Кроме того, по данным археолcгических и исторических наук известно, что в древнемонгольских городах имелись каменные и деревянные дворцы, храмы и крепости, для названия которых употреблялись фразеологизмы **керем байишинг** — крепость, здание, **урту харши** (букв. длинная ограда) и **сүме субурга** — церковь, часовня. Понятие «строить дом» обозначается фразеологизмом **гер бариху (букв. держать дом).**

Предметы домашнего обихода. Фразеологизмы **айага шинага** — чашка, ковш, **бүс дабу** — материя, ткань, **киб торга** — шелковая лента (для головной повязки женщины), **орун дебискер** — кровать, постель, **кете чакигур** — огниво, кремень, **майихан гер** — шатер (букв. палатка-дом) **и хасаг терге** — одноколка являются наименованиями предметов домашнего обихода.

Пища и питье. Понятия «питье и пища» имеют общее название **умда хогола** (букв. питье-пища). В значении «пища» употребляются фразеологизмы **амин теджигел** (букв. корм жизни) и **амин хоол** (букв. пища жизни). В эту же тематическую группу включаются сочетания **ами теджийекү** — прокормиться (букв. кормить жизнь), **араки дарасу** — водка, вино, **идеге бариху** — поесть (букв. держать пищу), **умда бариху** — пить (букв. держать питье) и **хурча идеген** — острая пища.

4. ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ПОНЯТИЯ

Буддизм. Для обозначения понятия «буддизм» употребляются фразеологизмы **бурхан-у шашин** (букв. религия бога), **блама-йин шашин** (букв. религия ламы), **дегедү ном** (букв. высшая книга), **дегедү шашин** (букв. высшая религия), **үнен ном** (букв. правдивая книга), **шашин ердени** (букв. религия, сокровище), **чаган ном** (букв. белая книга), **шира шашин** (букв. желтая религия) и **ерким ном** (букв. лучшая книга).

В значениях «правило», «идея» и «сущность» буддизма соответственно даются сочетания **ном-ун йосун, ном-ун чинар** и **ном-ун бейе.**

Судьба. Для обозначения понятия «судьба» используется фразеологизм **хуби джайага** (букв. доля, участь).

По представлениям буддистов, судьба человека определяется в зависимости от результатов деятельности человека в предыдущих перерождениях. Понятие «результат деятельности» в старомонгольском языке обозначается фразеологизмом **үйиле-йин үре** (букв. плод деяния).

По правилам буддийской философии у каждого живого существа имелись две судьбы: хорошая и плохая. Они обозначались фразеологизмами **амур джайаган** (букв. спокойная судьба) и **магу джайаган** (букв. плохая судьба).

Место обитания богов и небожителей. По буддийским верованиям, боги обитают в стране, называемой **бурхан-у орон** — страна богов, а небожители находятся в стране неба, которая обозначается фразеологизмами **тнгри-йин орон** —страна неба, **огтургуи-йин орон**—страна неба и **дегедү орон** (букв. высшая страна).

Рай. Существуют многие разновидности рая. Для обозначения одного из них употребляется фразеологизм **сүкевати-йин орон** — страна счастья.

Перерождение. По религиозным представлениям, живое существо после смерти попадает в загробный мир, который называют **хойиту джиртенчү** (букв. следующий мир). Там данное существо может обрести новое рождение и жизнь, соответственно обозначаемые фразеологизмами **хойиту түрүл** — перерождение (букв. следующее рождение) и **хойиту насун** — потусторонняя жизнь (букв. следующая жизнь).

Процесс перерождения в буддийской философии обозначают фразеологизмом **түрүл абуху** (букв. получить перерождение). Кроме того, когда указанное явление перерождения или смерти касается духовных лиц и святых, то употребляются фразеологизмы более высокого стиля: **боди хутуг-дур күрүкү** (букв. достигнуть святости), **бурхан-у хутуг олху** (букв. найти блаженство бога) и **үгедү болху** (букв. пожаловать ввысь).

Ад. По буддийской мифологии, существуют восемнадцать различных видов ада. В качестве их обобщенного названия используется фразеологизм **арбан найман таму** (букв. восемнадцать адов). К разновидностям адов относят-

ся и такие, которые обозначаются фразеологизмами **күитен таму** (букв. холодный ад), **халагун таму** (букв. горячий ад) и **харанхуи таму** (букв. темный ад). Обитателя ада называют **таму-йин амитан** (существо ада). Значение «попасть в ад» передается фразеологизмом **таму-дур унаху** (букв. падать в ад).

Мир. В буддийской философии мир подразделяется на две разновидности: материальный и нематериальный. Для их обозначения употребляются фразеологизмы **мүн чинар** — букв. действительное качество и **хогосун чинар** — букв. пустое качество.

Начала положительных и отрицательных явлений. По буддийским верованиям, все положительные и отрицательные явления объективной действительности исходят из источника, который обозначается фразеологизмом **гарху-йин орон** (букв. источник появления).

Время. Обобщенное название времени, которое делится на три основные категории (прошедшее, настоящее и будущее), обозначается фразеологизмом **гурбан чаг** (букв. три времени).

Сущность человека. Буддисты считают, что тело, язык и душа составляют в совокупности сущность человека, которая передается фразеологизмом **бейе келе седкил** (букв. тело, язык, душа). По представлениям буддистов, они являются основными средствами познавательной деятельности человека и имеют обобщенное название **гурбан егүден** (букв. три двери).

Мельчайший элемент мира. Самый мельчайший элемент материального мира выражается фразеологизмом **хумки-йин тогусун** — мельчайшая пылинка.

Устав, обет и этикет. Обобщенным названием религиозного устава, обета и этикета являются фразеологизмы **санвар сакил** — устав, обет и **джима йосун** — правило, этикет. В значениях «принимать устав» и «нарушать этикет» употребляются сочетания **санвар абху** и **йосун-и ебдекү.**

Добродетельность. Для обозначения понятия «добродетельность» используется фразеологизм **чаган үйиле** (букв. белое действие), который является синонимом слова **буйан.**

Фразеологизм **келен-ү буйан** (букв. языковая добродетельность) обозначает один из видов добродетельности, совершаемой языком, то есть чтением молитв и религиозных книг. Совершение добродетельности обозначается фразео

логизмом **буйан олху** (букв. найти добродетельность), **буйан түрүкү** (букв. появиться добродетельности), **буйан үйиледкү** (букв. производить добродетельность), **буйан-и хурийаху** (букв. собирать добродетельность) и **ечүс хойиту-йи санаху** (букв. думать о конечном будущем).

В значениях «источник добродетельности», «сила добродетельности», «основа добродетельности», «результат добродетельности», «сонм добродетельности» и «добродетельная душа» соответственно употребляются фразеологизмы **буйан-у орон, буйан-у күчүн, буйан-у үндүсүн, буйан-у үре, буйан-у чигулган** и **нигүлескүи седкил.**

Для достижения добродетельности живое существо должно следовать по пути, называемому фразеологизмами **боди мүр** — путь добродетельности (букв. добродетельный след), **сайин мүр** — добродетельный след (букв. хороший след) и **күлген-ү мүр**—путь передвижения к совершенству (букв. след передвижения), а степени передвижения по этому пути имеют общее наименование **мүр-үн джерге** — степень пути к совершенству (букв. степень следа).

Грех. По понятиям буддистов, существуют различные виды грехов. В качестве обобщенного названия трех различных преступлений (воровства, насилия и убийства), используется фразеологизм **бейе-йин гурбан нигүл** (букв. три телесных греха). Фразеологизм **седкил-үн гурбан джүйил гем** (букв. три различных душевных преступления) дается как общее наименование трех разных преступлений — зловредности, жадности и богохульства, совершенных душой.

В значениях «очистить грех», «совершить грех», «много грехов», «тяжелый грех», «черный грех» употребляются сочетания **килинче арилгаху, килинче үйиледкү** (букв. производить грех),**далан нигүл** (букв. семьдесят грехов), **күндү үйиле** (букв. тяжелое действие), **хара үйиле** (букв. черное действие).

Бог, духовенство и община. В качестве обобщенного названия бога, духовенства и общины употребляется фразеологизм **гурбан ердени** (букв. три сокровища).

В старописьменном монгольском языке встречается огромное количество эпитетов Будды. Например: **бурхан багши** (букв. будда-учитель), **дайин-и даругсан** (букв. подавивший войну), **иледте тогулулгсан** (букв. действительно закончивший), **иладжу тегүс нүгчигсен** (букв. победивший до полной кончины), **ойун-и егүскегчи** (букв. размножающий способности), **сургал-ун багши** (букв. учитель учения), **тегүн-**

чилен иргсен (букв. пришедший, как он), **үнекер тегүсүг-сен** (букв. совершенно закончивший), **хамуг-и айиладугчи** (букв. изрекающий все), **шашин-у еджен** (букв. хозяин веры), **шигемүни бурхан** (букв. бог Шакьямуни), **ердем-и тегүсүгсен** (букв. закончивший знания), **абида бурхан** (бог долголетия).

Бог магических заклинаний Вачирбани имеет эпитеты **гар-даган вачир-ту** (букв. со скипетром в руке) и **нигуча-йин еджен** (букв. хозяин секретного), которые являются фразеологическими синонимами.

Духи. Царя земных духов именуют фразеологизмом **чаган ебүген** (букв. белый старик).

Фразеологизм **луус-ун хаган** (букв. царь лусов) является названием водяных духов.

Небожители. Для обозначения понятия «небожитель» употребляется фразеологизм **тнгри күмүн** (букв. небо-человек). Сюда же относятся и такие фразеологизмы: **тнгрис-үн хаган** (букв. царь небес), **хормуста тнгри** (царь Хормуста), **багатур чаган тнгри** — хозяин западной стороны неба (букв. белое небо-богатырь), **дайичин тнгри** — небо-воитель, **дегере тнгри**—всевышнее небо. **кеи тнгри** — небо-воздух, **тнгри ечеге** — небо-отец, **үкин тнгри** — богиня неба Лхама (букв. небо-девушка), **хан мүнгке тнгри** — вечное небо-царь и **хан тнгри** — небо-царь.

Духовенство. Для обозначения понятия «духовенство» встречаются фразеологические синонимы **блама хуварag** (букв. монах-послушник) и **шашин-и баригчид** (букв. держащие религию).

В качестве наименования титула главы буддийской церкви употребляется сочетание **далаи блама** (букв. море-монах).

Фразеологизмы **айага такимлиг** (букв. достойный почтения), **багши блама** (букв. учитель-монах), **буйан-у садун** (букв. родственник добродетельности), **оруи-йин чимег** (букв. украшение головы) и **туса күргегчи** (букв. оказывающий помощь) — различные перифразы монаха.

Человек. Для понятия «человек» в буддийской литературе используются выражения **срдени-тү күмүн** (букв. драгоценный человек) и **хойар күл-тү** (букв. двуногий).

Почитатель буддизма. Почитателя буддизма, являющегося мирянином, называют **үгелиге-йин еджен** — милостынедатель (букв. хозяин милостыни).

Еретик. Противники буддизма именовались выражениями **терс номту** — безбожник и **бурyгу ном-ту** — иноверец (букв. с неправильной книгой). Взгляды и идеи, противоречащие буддизму, обозначались фразеологизмами **бурyгу ном** — неправильное учение, **бурyгу үджел** — неправильная идея и **бертегчин үджел** — неправильная идея.

Богослужение. Обряд богослужения состоял из множества различных церемоний, которые обозначались следующими фразеологизмами: **алга-бан хамтудхаху** — молиться, сложив ладони (букв. соединить ладони), **адис абаху** — получить благословение, **бурхан-дур мүргүкү** — молиться богу (букв. бодаться под богом), **блама-дур мүргүкү** — молиться монаху (букв. бодаться под монахом), **блама-йин адис** — благословение монаха, **итегел йабагулху** — молиться (букв. отправить веру), **ирүгел талбиху** — благословить (букв. дать благословение), **ном-и бүтүгекү** — совершить богослужение (букв. сделать книгу) и **ном үйиледкү** — совершить богослужение (букв. производить книгу).

Монастырь. Богослужение проводилось в монастырях различных типов, которые имели обобщенное название **сүме субурга** — церковь, часовня и прочее.

Предметы религиозного культа. Фразеологизмы **арслан-ту ширеген** — кресло, установленное в монастыре для высшего духовного лица (букв. сидение со львом), **бадар айага** — чашка для сбора подаяний, **бүрийе бишкигүр** — горн, флейта, **джула-йин гоол** — фитиль лампадки (букв. стержень лампадки), **күджи джула** — благовонная курительная свеча, лампадка и **санг кенггереге** — музыкальные тарелочки, сделанные из сплава различных металлов, барабан и т. д. являются наименованиями различных предметов религиозного культа.

Религиозная проповедь. Духовные лица добивались беспрекословного подчинения и покорности верующих масс, для чего они распространяли среди трудового народа такие афоризмы-изречения, как **Бурхан метү еджен үгеи, Бодисаду метү сайид үгеи** — Нет хозяев, как Будда, а сановников, как бодисатва; **Бурхан-у шашин-дур ами-бен талби, бусуд-ун туса-дур бейе-бен орки** — Ради буддийской веры отдай свою жизнь, а ради помощи другим отдай свое тело; **Шашин-дур дура үгеи сакилтан-ача сайин сүсүг-тү хара күмүн дегере геле** — Суеверный мирянин лучше, чем монах, не любящий религию; **Гем кибасу чагаджу берке, килинче**

кибасу таму берке — Если совершить преступление, то при казни будет тяжело, а если совершить грех, то в аду будет тяжело.

5. МЕЛКИЕ ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБОРОТОВ

Пространство. Фразеологизмы, входящие в эту понятийную группу, в основном образованы парными сочетаниями слов. Например: **гадна дотна** — вне, внутри, **ойира орчин**—поблизости (букв. близко-рядом), **ойира хола**—близко, далеко, **орчин тогурин** — рядом, вокруг, **инагши чинагши** — сюда, туда.

Время. Для определения времени монголы имели календарь, состоящий из двенадцатигодичного цикла. По этому календарю часы, дни, месяц и год имели определенные названия. Например: **барс сара** — первый месяц весны (букв. тигр-месяц), **долуган сара** — седьмой месяц года (букв. седьмой месяц), **гурбан сара** — третий месяц года (букв. третий месяц), **гурбан шине** — третье число месяца (букв. три новых), **джун-у думда сара** — средний месяц лета, **джун-у сегүл сара** — последний месяц лета, **джун-у екин сара** — первый месяц лета, **хабур-ун ечүс сара** — последний месяц весны, **чаган сара** — новый год по старому монгольскому календарю (букв. белый месяц).

Кроме того, для обозначения времени существовали названия, не входящие в указанный календарь. Так, к ним относятся следующие фразеологизмы: **нүгүге едүр** — послезавтра (букв. следующий день), **такийа дагун гарху чаг** — раннее утро (букв. время говорить курице), **таргун-у чаг** — осень (букв. время жирного), **үде-йин кири** — полдень, **үде-йин чаг** — полдень (букв. обеденное время), **үр чайиху чаг** — время рассвета (букв. время белеть рассвету), **чаг үргүлджи** — все время (букв. время, постоянно), **үни удал** — давно, долго, **едүр сүни** — сутки (букв. день, ночь) и **ерте урида** — в стародавнее время (букв. рано-впереди).

Стороны света. Фразеологизм **арбан джүг** (букв. десять сторон) употребляется как общее название восточной, юго-восточной, южной, юго-западной, западной, северо-западной, северной, северо-восточной, нижней и верхней сторон света.

Восточная, южная, западная и северная стороны света имели обобщенное название **дүрбен джүг** — букв. четыре стороны.

Сочетания **барагун джүг, умара джүг** и **емүне джүг** являются наименованиями западной, северной и южной сторон света. Восточную сторону света обозначают фразеологические синонимы **джегүн джүг, дуруна джүг** и **наран ургухуи джүг** (букв. сторона растущего солнца).

6. ОТДЕЛЬНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОБОРОТЫ РАЗНОГО ТЕМАТИЧЕСКОГО СОДЕРЖАНИЯ

В данную группу включены фразеологические обороты, выражающие различные понятия из многих сторон жизни монгольского общества и имеющие лексико-грамматическую структуру, подобную словосочетаниям. Например: **агу йеке** — великий (букв. огромный, большой), **агур-ану күркү** — рассердиться (букв. дойти до злости), **айул түрүкү** — возникнуть опасности (букв. родиться опасности), **алба татабури** — налог (букв. служба, взыскивание), **алдал түрүкү** — погрешить (букв. появиться греху), **ама абуху**—клясться (букв. взять рот), **амин-ану оруху** — прийти в чувство (букв. заходить жизни), **анхарун абху** — брать во внимание, **арики бариху** — выпить водку (букв. держать водку), **ачи харигулху** — благодарить (букв. возвратить услугу), **бүджиг нагадун** — спектакль, игра, **гагча бейе** — одинокий, холостой (букв. одинокое тело), **гар-дур абуху** — подчинить (букв. взять в руки), **гаджи буругу** — совершенно неправильно, **джаргу-йи хахалаху** — судить (букв. разрывать тяжбу), **джаргу шигүкү** — вести тяжбу (букв. расследовать жалобу) **джориг-ийар оруху** — набраться смелости (букв. заходить смелости), **джүг бариха** — быть на чьей-то стороне, **ирагу айалгу** — лирика (букв. благозвучная мелодия), **йала-дур оруху** — быть оштрафованным (букв. попасть под штраф), **күсүл түрүкү** — появиться желанию, **керег бүтүгекү** — выполнить дело, **магу мүр-дүр оруху** — становиться пошлым (букв. заходить на плохой путь), **нарин нигта** — опрятный (букв. тонкий-аккуратный), **нигур хараху** — льстить (букв. смотреть лицо), **нойир күркү** — клонить ко сну (букв. доходить сну), **санага алдаху** — вздыхать (букв. уронить мысль), **санага джасаху** — успокоиться (букв. исправить мнение), **санал түрүкү** — зародиться мысли, **сүсүг түрүкү**—

появиться суеверию, **сегеге оруху** — опомниться (букв. заходить разуму), **седкил булийаху** — завладеть душой (букв. отбирать душу), **седкил-ийен чүкүркү** — падать духом (букв. отчаиваться душой), **седкил-и джасаху**—успокоиться (букв. исправить душу), **седжиг түрүкү** — появиться сомнению, **сүр-ийер даруху**—подавить вдохновение, **күндү джирум** — строгая дисциплина, **табаг талбиху** — угощать (букв. поставить тарелку), **тамага даруху** — поставить печать (букв. давить печать), **тунхаг тарагаху** — объявлять (букв. распространить воззвание), **туса күргекү** — оказать помощь (букв. довести помощь), **түйимер алдаху** — пустить пожар (букв. уронить пожар), **үнгге-бен алдаху** —терять окраску (букв. уронить окраску), **үге-дүр оруху** — послушаться (букв. заходить к слову), **үре гарху** — появиться результату, **үрэ амасаха**—пожинать плоды (букв. отведать плод), **үсү чайиху** — поседеть (букв. побелеть волосу), **омуг даруху** — подавить гордость, **хадаг бариху** — подарить в знак уважения кусок шелковой ткани (букв. держать хадак), **хагучин үге** — пословица (букв. старое слово), **хара күлүсүн** — сильный пот (букв. черный пот), **хара керегүл** — сильная ссора (букв. черная ссора), **хас тамага** — яшмовая печать, **хулагаи кикү** — воровать (букв. совершить воровство), **черег-тү мордуху** — отправиться на войну, **шира күдүлкү** — тошнить (букв. пошевелиться желтому), **еке бичиг** —оригинал (букв. мать-записи), **ертен-ү бичиг** — летопись (букв. древняя запись), **ертен-ү үге** — пословица (букв. древнее слово).

Кроме того, к этой группе отнесены фразеологизмы, выражающие различные идейные содержания и имеющие лексико-грамматическую структуру предложения: **Алта-йи арчибасу улам сайихан үнгге гарху, негүресү-йи укийабасу улам харлаху** — Если вытирать золото, то оно станет еще красивее, а уголь при этом больше почернеет; **Арга-таи-ану абумуи, арга үгеи-ину алдамуи** — Умелый достанет, а неумелый упустит; **Арслан-у багатур омог арслан-даган джокиху, үнеген-ү уран арга мүн үнеген-деген джокиху**—Богатырская сила льва уместна льву, а хитрое умение лисицы уместно лисице; **Арслан багатур чибал гал-ача чочидаг, күмүн сайин-чибал ниге йагуман-ду генедедег**—Лев, подобный богатырю, может испугаться огня, хороший человек иногда может оплошать: **Арслан бүгелдджисүн-ийен үлү идекү, сайин күмүн үге-бен үлү урбаху** — Лев не съест рво-

ту свою, а хороший человек не изменит слову своему; **Арслан үнеге мету йабубасу түрген гутуху, үнеге арслан метү йабубасу түрген үкүкү** — Если лев будет жить, как лисица, то быстро испортится, а если лисица будет жить, как лев, то быстро подохнет; **Бусуд-ун болбасу бурхан-и-чу болба оркимуи, үбер-үн болбасу нохаи-йи-чу болба үмүгеремүи** — Если чужое, то даже бога покинет, а если свое, то даже за собаку заступится; **Бусуд-ун гем-и намур-ун-егүлен метү елбег үджемүи, үбер-үн гем-и нарин тогусун-у тедүи үлү шинджилемүи** — Вину других принимает как за обильное осеннее облако, а свою вину не примет даже как за мельчайшую пылинку; **Галаи-йин дотур-а серигүн үгеи, гасаланг-ту джиртенчү-дүр амур үгеи** — В огне нет прохлады, а в мире беды нет спокойствия; **Геген джула үчүкен болбачу гер-теки харангхуи-йи арилган чидамуи** — Хоть мала светлая лампадка, но она рассеивает в доме тьму; **Дабаши үгеи дабаған үгеи, гетүлши үгеи мүрүн үгеи** — Нет неодолимых перевалов и непереходимых рек; **Донгураг-ун ир хурча-чибал чилагу-йи йагакин дагагаху буи** — Хоть остро лезвие складного ножа, оно не сможет резать камень; **Джигүртен-ү хаган гаруди наран гарху-йи дагалаху, магу хара элийе бүрүн болху-йи күсекү** — Царь птиц Гаруда будет ждать восхода солнца, а черный плохой коршун будет желать наступления сумерек; **Джокилдубасу ада-таи чу болба нүкүчемүи** — Если понравится, то даже с чертом можно дружить; **Кен-дүр ед буи бүгесү тэгүн-дүр харам буи** — Кто имеет вещи, тот бывает жадным; **Магу күмүн-дү күргегсен туса худжиртан гаджар таригсан тарийа** — Помощь, оказанная плохому человеку, подобна семенам, посеянным на солончаке; **Магу нигүл-ийэр джарим керег бүтүкү буи болбачу, магад сайин мергед тегүн-дүр үлү дуралайу** — Хотя некоторые дела осуществляются с совершением грехов, настоящим мудрецам не понравится это; **Ниге сайин моринду хойар емегел үлү тохугдаху, нигеи сайин емс хойар ере дур үлү одугдаху** — На одном хорошем коне не разместятся два седла, а одну хорошую женщину не сосватают двое мужчин; **Нохаи бүгелджисүн-йиэн идекү, магу күмүн үге-бен урбаху** — Собака съест свою рвоту, а плохой человек изменит своему слову; **Нохаи-чибал сегүлтеи-ни сайихан, гуйиранчи-чибал йосутан-ни сайихан** — Хоть и собака, но ей лучше быть с хвостом, хоть и нищий, но ему лучше следовать обычаям; **Сагали сүн-и күсегчид**

ебүл-ече үнийе теджиге, сайин тарийан-и күсегчид хабур-ече күренге тари — Желающие иметь молоко кормите с зимы коров, а желающие иметь хороший урожай сейте с весны семена; **Сайин морин-у чидал-и унуджу үджебэсү медекү, сайин алтан-у шижир-и хайилагулджу үджебэсү медекү** — Силу хорошего коня можно узнать при езде, а чистоту хорошего золота можно узнать при плавлении; **Селем-бер чабчибасу бейе ебеддүмүи, ширүгүн үге-бер дагарибасу седкил ебеддүмүи** — Если рубить мечом, то тело заболит, а если задеть жестоким словом, то душа заболит; **Моду-бар сейилүгсен барс-ача кен айуху буи**—Кто испугается тигра, вырезанного на дереве; **Тенег адугусун үкер-и сургабасу, терген-ү джам-иийар йабудаг**—Если научить, то и глупый скот будет идти по дороге; **Үде метү халагун үгеи, үйе-йин джалагу метү джиргал үгеи** — Нет жары, как в полуденную пору, нет счастья, как в молодости; **Үдеши болбасу герел үгеи, үйе насун үнггүрбасү джиргал үгеи** — Когда наступит вечер, то не будет света, а когда пройдет молодость, то не будет счастья; **Үндүр моду-йи огтулху-ду усултабасу үбер-үн бейе дегере унаху** — Если ты будешь рубить высокое дерево, то оно при несчастном случае может упасть на тебя; **Үнеген-ү уран арга арслан-дур туса үгеи, арслан-у багатур омуг. үнеген-дүр туса үгеи**—Хитрое умение лисицы не надобно льву, а богатырская сила льва не нужна лисице; **Үнекер сайин ердени-йи есе магтабачу үне олху, үтеле чилагун-и магтабачу үне дүр үлү күркү**—Если даже не хвалить настоящую жемчужину, она будет дорого стоить, а если даже хвалить простой камень, он не будет дороже цениться; **Хатагу седкил джида хара санага хоора** — Жестокая душа—штык, а черная мысль—яд; **Хоора холигсан амта-таи идеге-йи хобдуг болбачу үлү идемүн**—Пищу, смешанную с ядом, даже жадный не съест; **Чайираху йабубасу күмүн-у гар-ту орумуи** — Хвастливый становится зависимым от людей; **Чидал үгеи байиджу бусуд-и бү дагурийа** — Если нет у тебя мочи, то не подражай другим; **Едүр йабугсан йабудал-и сүни шигүгтүн**—Дневные свои поступки обдумывай ночью; **Ере күмүн келегсен үгэн-дэгэн күркү, агта морин джоригсан гаджар-дагаи күркү** — Мужчина выполнит свое обещание, а мерин дойдет до места езды.

Более устойчивую или неизменную часть фразеологического фонда дидактических произведений составляют фра-

зеологизмы, обозначающие жизненно необходимые понятия. К ним относятся сочетания, являющиеся наименованиями небесных светил, частей человеческого тела, орудий труда и т. д., многие из которых в данный период встречаются в современных монгольских языках.

Менее устойчивую часть фразеологического фонда дидактических произведений представляют такие сочетания, которые с течением времени утрачивают актуальность значения и исчезают из его активного запаса. Такими оказались фразеологизмы указанного жанра, обозначающие религиозные понятия, которые в результате смены общественных формаций превратились во фразеологические архаизмы и историзмы.

В количественном отношении наиболее многочисленными являются фразеологизмы, входящие в тематические группы, характеризующие человека, общество, труд и религию.

ГЛАВА V
ОПЫТ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБОРОТОВ

В данном разделе нашего исследования сделана попытка осветить некоторые фразеологизмы монгольских языков со стороны их этимологии.

О превращении фразеологизма ой арад в слово «ойрад». Этимология слова «ойрад», названия одного из монгольских народов, давно уже привлекает внимание востоковедов.

Доржи Банзаров утверждает, что этноним **ойрад** образовался из сочетания двух слов **ой** (лес) и **арад** (народ) для обозначения понятия «лесной народ»[1]. Он опровергает гипотезы современных ему ориенталистов, заключающиеся в том, что название **ойрад** является производным от наречия **ойро** (близко) и употребляется в значении «ближний, союзник»[2].

Гипотеза Д. Банзарова о происхождении **ойрад** получила дальнейшее развитие в исследованиях Г. Д. Санжеева и Ц. Б. Цыдендамбаева[4]. В отличие от предыдущих авторов Г. И. Рамстедт полагал, что лексема **ойрад** появилась в результате видоизменения слова **огуз,** являющегося названием одного из древнетюркских народов[5]. Такую же позицию по данному вопросу занимал Г. Н. Румянцев[6].

Мнение о том, что название **ойрад** образовалось от наречия **ойро** (близко) в значении «ближний, союзник», по-видимому, основывается на том, что ойраты в X—XIII вв. составляли союз племен[7]. Между тем в этот период ойраты представляли конгломерат различных, не связанных союзом монгольских племен[8], потому рассматриваемый этноним не мог возникнуть для обозначения понятия «ближ-

ний», «союзник»[9]. К тому же в монгольских языках не наблюдается тенденция образования этнонимов путем субстантивизации наречий места, поэтому по грамматическим и историческим соображениям упомянутая точка зрения представляется малоправдоподобной[10].

Предположение об образовании слова **ойрад** из сочетания **ой** и **арад** основывается на следующих аргументах. В монгольских языках развито явление, состоящее в слиянии двух слов в одно ввиду единства, обозначаемого ими понятия. При таком образовании в местах стыковки или соединения двух различных лексем может происходить усечение конца первого слова или начала второго. Таким путем возникли, например, слова современного бурятского языка[11] **аминаhан** — жизнь, **ажабайдал** — жизнедеятельность, **хюдажархиха** — уничтожить и **абтахагүй** — не поддаваться, которые в старописьменном монгольском языке соответственно были представлены сочетаниями **амин насун, аджил байидал, кидуджу орки** и **абтаху үгеи**[12]. Если следовать этой модели, сочетание **ой арад** путем утраты гласного **а** компонента **арад** вполне могло превратиться в слово **ойрад.**

В данном случае нельзя согласиться с мнением Г. Н. Румянцева, который из-за отсутствия грамматического показателя родительного падежа **йин** в разбираемой лексеме **ойрад** указал на недопустимость его образования из сочетания **ой арад**[13]. Следует заметить, что для монгольских языков характерно опускание или выпадение падежных окончаний во многих сочетаниях слов. Например, сочетания старомонгольского языка **енедкег-үн орон** — Индия, **түбэд үн келе** — тибетский язык, **ачи-йи харигулху** — отблагодарить и **үнгге бен алдаху** — утратить окраску в современном бурятском языке наличествуют как **энэдхэг орон, түгэд хэлэн, аша харюулха** и **үнгэ алдаха**, утратив грамматические показатели **үн, йин** и **бен** в их историческом развитии. По законам монгольских языков слово **ой** могло бы сочетаться с лексемой **арад** даже без падежного окончания **йин**, так как в старомонгольском языке очень часто встречаются определения, выраженные именами существительными в именительном падеже: **күлүг мори** — богатырский конь; **алтан делкеи** — золотой мир; **үкер чилагу** — валун. Следовательно, вполне закономерно, что существительное в именительном падеже **ой** могло употребляться в качестве

определения лексемы **арад**[14]. В связи с этим утверждение Г. И. Рамстедта о том, что сочетание **ой арад** будто бы означает «люди, сделанные из леса», как нам представляется, недостаточно убедительно[15], ибо слово **ой** в сочетании **ой арад**, как определение, может выступать в значении «лесной». Надо сказать, что слово **ой** (лес) выступает и в других сочетаниях в качестве определения, например, **ой газар** — лесная местность. Потому-то сочетание **ой арад** надобно переводить и понимать не как «люди, сделанные из леса», а как «лесной народ», либо «народ из леса».

Кроме того, в исторических источниках «Сокровенное сказание» и «Сборник летописей» Рашид-ад-дина в слове **ойрад** после начального гласного **о** во втором слоге следует **а**. Между тем по закону сингармонизма монгольских языков под влиянием гласного первого слога звук **а** должен был бы ассимилироваться и перейти в **о**.

В рассматриваемом слове этого, вероятно, не случилось по той причине, что данная лексема вначале состояла из двух компонентов, которые долгое время сохраняли основную семантико-морфологическую структуру из-за их первоначальной лексической самостоятельности и потом стабилизировались в таком виде тогда, когда произошла утрата отдельных значений его составных элементов и их слияние в одно слово ввиду единства обозначаемого им понятия.

Таким образом, с точки зрения его семантики и лексико-грамматической структуры слово **ойрад** вполне могло образоваться из фразеологизма **ой арад**.

Трактовка о возможности превращения древнетюркского **огуз** при его заимствовании в монгольский язык в слово **ойрад** является только теоретически допустимой догадкой автора[16]. Для выяснения этого вопроса сравним древнетюркское слово **огуз** — молозиво, которое по фонетической структуре близко лексеме **огуз** — название народа, с его старомонгольским вариантом **угураг** — молозиво. Как видно, корневая часть **огу-угу** в его тюркской и монгольской разновидностях почти совпадает. Значит, не всегда древнетюркское **огу** в монгольском языке может быть представлено звукосочетанием **ой**.

Следует заметить, что существование древнетюркского **огуз** и старомонгольского **угураг**, которые возникли в процессе исторического развития одного корнеслова, составляет подлинный факт естественных языков.

Вместе с тем мнение Г. И. Рамстедта о том, что древнетюркское **огуз** превратилось в монгольское **ойрад**, остается на уровне гипотезы. В пользу того, что древнетюркское **огу** не во всех случаях в старомонгольском языке может заменяться дифтонгом **ой**, свидетельствуют многие древнетюркско-старомонгольские параллелизмы, содержащие звукокомплексы **огу**. Так, древнетюркское **хогус** — пустой, **хогур** — жарить и **жогур** — месить[17] в старомонгольском языке соответственно встречаются в формах **хогосун, хагурху** и **джигураху**.

Далее, в лексическом фонде старомонгольского языка очень много слов, имеющих подобные сочетания звуков. Например, в «Сборнике летописей» Рашид-ад-дина как собственные имена монголов наличествуют слова Тогуз[18], Дугуз[19], Огуз[20] и другие. В этом же источнике в своем первоначальном виде и значении в качестве названия одного из древнетюркских народов встречается разбираемое нами слово **огуз**[21].

По-видимому, древним монголам был известен данный этноним, потому что персидский ученый XIII века Рашид-ад-дин многочисленные факты и детали своего исторического сочинения о раннемонгольской империи Чингисхана записывал со слов самих монголов, сам не являясь очевидцем многих событий их жизни. Следовательно, не было особой необходимости для изменения древнетюркского **огу** при его заимствовании в старомонгольский язык в **ой**. Процесс заимствования слов из одного языка в другой обычно сопровождается изменениями фонетического облика таких лексических единиц, которые содержат звуки или звукокомплексы, не характерные для заимствующего языка. Так как звукокомплекс **огу**, относящийся к слову **огуз**, был распространен в старомонгольском языке, как и в древнетюркском, он в случае заимствования из древнетюркского языка при сохранении своего первоначального вида мог бы перейти в старомонгольский.

Если верно, что слово **огуз** не изменилось в **ойрад** в процессе заимствования, то оно, на наш взгляд, не могло осуществляться в результате его изменений в пределах одних монгольских языков. Это объясняется тем, что старомонгольскому и современному монгольскому языкам не присущ регулярный или постоянный процесс превращения звукокомплекса **огу** в **ой**. В абсолютном большинстве случаев наблюдается преобразование звукосочетаний **огу** в долгое

оо путем стяжения слогов в результате утраты интервокального согласного **г**. Примеры: старомонг. **тогурцуг** > совр. монг. **тоорцог** — цветочная чашечка; старомонг. **тогусу** > совр. монг. **тоос** — пыль; старомонг. **тогудаг** > совр. монг. **тоодог** — дрофа.

Следует заметить, что преобразование звукоэлементов слова **огуз** в **ойрад** не вызвано изменением его значения, то есть семантическими сдвигами в смыслоразличительных и смыслообразовательных целях под влиянием разнообразных факторов культурно-исторического характера. Таким образом, этноним **ойрад**, вероятно, не образовался от слова **огуз**[22], так как для этого не было особой языковой необходимости.

Далее, по сведениям Рашид-ад-дина и других авторов приблизительная территория расселения лесных племен охватывала значительную часть юга Восточной Сибири, то есть степные и лесостепные зоны Забайкалья и Предбайкалья, примерно между реками Онон и Енисей.

По мнению большинства ученых, эти лесные племена были монголоязычными. По данным Рашид-ад-дина и Саган-Сэцэна, ойраты в XI—XIII вв. обитали в бассейне верхнего течения Енисея[23]. Значит, по времени существования и по территории расселения, они вполне могли входить в число лесных племен. Тем более, что соседние племена, жившие с ними в одну историческую эпоху, также относились к лесным.

Первоначально слово **ойрад**, возможно, могло употребляться как название всех лесных племен, а затем, видимо, стало этнонимом одного из них путем сужения его семантики. Можно предположить, что лексема **ойрад** являлась одним из обозначений понятия «лесной народ» и употреблялось как этноним одного из монгольских племен.

В древнемонгольском языке, кроме этнонима **ойрад**, для обозначения понятия «лесной народ» существовало сочетание **һой-йин ирген**, наличествующее в «Сокровенном сказании»[24]. Элемент **һой** (лес) в современных монгольских языках встречается как **ой** без проточного согласного **һ**. По мнению Г. Д. Санжеева, согласный **һ** в его историческом развитии в начале многих лексем старомонгольского языка совершенно исчез[25]. Таким же путем слово **һой**, утратив согласный **һ**, превратилось в **ой**.

Кроме того, слово **ойрад** в значении «лесной народ» как и выражение **һой-йин-ирген**[26], будто бы не является со-

циальным термином, выражающим общественно-экономическую характеристику монгольских племен XI—XIII вв., каковым его считает акад. Б. Я. Владимирцов[7]. Напротив, из описаний Рашид-ад-дина в «Сборнике летописей» становится ясно, что слово **ойрад** и выражение **һой-йин ирген** первоначально появились как названия ряда монгольских племен по месту их обитания. Такую точку зрения относительно происхождения названия лесных племен автор последовательно повторяет во многих местах своего сочинения. Он, например, пишет, что «монголы из лесного племени многочисленны, и людей посторонних они своим разнообразием вводили в заблуждение, потому что всякое племя, у которого юрты были расположены по лесистым местам, называли лесным племенем»[28].

И далее: «Некоторые из братьев и дядьев Чингиз-хана относились к лесному племени, как об этом приведено в истории. Короче говоря, лесных племен — множество, потому что из одной племенной отрасли у одного брата юрт был вблизи леса, а у другого — на равнине; происшедшие получили два имени»[29]. По-видимому, тех, кто жил вблизи леса, относили к лесным племенам, а других — к степным. Как видно, к таким разным видам монгольских племен причислялись даже братья из одного племени, в зависимости от того, где они жили. Из этого следует, что деление монгольских племен XI—XIII вв. на лесных и степных произошло не на основе их общественно-экономических отношений и что слово **ойрад** и сочетание **һой-йин ирген** не относятся к социальным терминам.

Вполне возможно, что у монгольских народов существовала тенденция называть людей и племена по месту их обитания[30]. В частности, у современных бурят распространены названия, определяющие их по месту жительства, например, к ним относятся сочетания **ярууна буряад** — еравнинский бурят, **сэлэнгэ буряад** — селенгинский бурят, **алайр буряад** — аларский бурят и др.

Вместе с тем в старомонгольском языке для определения людей по роду их хозяйственной деятельности употребляются слова, содержащие словообразовательные суффиксы **-чи** и **-чин**: **хоничи, анчи, малчин** и др. В таких обозначениях имени деятеля очень ясно передается характер выполняемой им работы. В частности, в бурятском языке существует этноним эвенков **орошон** — оленевод, определяющий их по роду занятий[31].

В связи с этим возникает вопрос: существовало ли вообще в эпоху XI—XIII вв. строгое разделение монгольских племен, с одной стороны, на скотоводов, а с другой — на охотников и рыболовов? Такие востоковеды, как акад. Б. Я. Владимирцов[32] и другие исследователи, ссылаясь на материалы «Сборника летописей» Рашид-ад-дина и «Сокровенного сказания», полагают, что ранние монгольские племена сообразно ведению своего хозяйства в этот период делились на две группы: лесные (звероловческие) и степные (ското водческие).

Г. Н. Румянцев, придерживаясь вначале мнения Б. Я. Владимирцова по данному вопросу[33], позднее высказал мысль о том, что по своему общественному и экономическому уровню развития лесные племена были разнородными. По его мнению, в их состав входили охотничье-рыболовческие и скотоводческо-земледельческие племена[34]. На наш взгляд, в XI—XIII вв. хозяйственный облик монгольских племен в основном был однообразным. Как сказано выше, в состав лесных народов включались и скотоводческие племена. Так, к ним относились тайджиуты, представляющие крупное объединение скотоводов. Рашид-ад-дин писал: «...племя тайджиут было лесным вследствие того, что их стоянки были между страною монголов, киргизов и баргутов»[35]. И далее: «Благодаря тому, что тайджиуты были главнейшей из ветвей родственных племен, дело постепенно дошло до того, что другие родичи и войска, оказывавшие Есугей-бахадару повиновение, отпали от его детей и склонились к тайджиутам. Они сплотились вокруг них, благодаря чему у этих племен появилась полная сила и могущество. Некоторые из них принадлежали к племени хоййин ирген, что значит «лесное племя», ибо их юрт был в лесах»[36].

Утверждение о скотоводческом укладе жизни тайджиутов не вызывает сомнения, так как, по словам Рашид-ад-дина, тайджиуты имели стада и табуны, в их хозяйственном укладе определенную роль играло скотоводство[37]. Об этом же свидетельствует тот факт, что тайджиуты для противоборства с армией Чингисхана сумели образовать и сплотить огромный по тому времени контингент войск в тридцать тысяч всадников[38].

Следовательно, нельзя со всей определенностью утверждать, что лесные племена сплошь состояли из рыболовов

и охотников. Как видно, к ним относились и скотоводы, например, тайджиуты. Вообще, лесные племена имели совершенно разнородный этнический состав, то есть состояли из разных племенных групп. Об этом свидетельствует следующее описание Рашид-ад-дина: «...С тех пор прозвищем их стало «лесное племя» в виде уничижительной клички. Под этим же названием были известны тайджиуты и несколько других племен. Причина этому следующая: каждое племя, юрт которого находился вблизи лесов, причислялось к «лесным племенам», но так как леса в каждой области были далеки друг от друга, то их племена, роды и ветви рода не имели отношения друг к другу. И хотя всех вместе называли «лесное племя» по лесистой местности, где они жили, однако у них было установлено, к какому племени принадлежит каждое из них»[39].

При решении проблемы о характере общественной жизни монголов XI—XIII вв. прежде всего необходимо учитывать следующие моменты.

Во-первых, памятники археологии свидетельствуют о том, что в отдельных районах территории обитания лесных племен процесс перехода охотничьих и рыболовческих племен к скотоводческому укладу хозяйства произошел в бронзовом веке. Г. П. Сосновский и А. П. Окладников полагают, что первое общественное разделение труда, которое характеризовалось выделением скотоводов из массы охотников и рыболовов, в степях Забайкалья совершилось в начале II тысячелетия до нашей эры[40]. Опираясь на исследования А. П. Окладникова, можно сказать, что культуры разных кочевых племен на территории расселения лесных племен, начиная с момента своего возникновения до XII—XIII в.в., не прерывались, а сменялись одна другой, сохраняя преемственную связь между собой[41]. Поэтому вполне закономерно, что скотоводческий характер производственной деятельности за длительную и многовековую историю своего существования на территории проживания лесных племен монголов не мог не вытеснить там хозяйственный уклад жизни первобытных охотников и рыболовов.

Во-вторых, по мнению большинства историков, буряты являются в основном автохтонным населением Предбайкалья и Забайкалья, то есть территории обитания лесных племен монголов, в состав которых, вероятно, входили раннебурятские племена. По их фольклорным произведениям можно составить некоторые представления о средневековом

быте раннебурятских племен. Так, в «Аламжи мэргэн», «Иренсей», «Айдурай мэргэн» и других явно преобладают элементы, характеризующие раннебурятские племена (племена лесных монголов) как скотоводческие, а не как охотничьи и рыболовческие[42].

В-третьих, территория лесных племен не раз находилась в зависимости от феодальных и полуфеодальных государственных объединений гуннов, жужаней, тюрок и других народов, занимавшихся скотоводством, поэтому едва ли сумели бы сохраниться в тех краях охотничьи и рыболовческие племена вплоть до XIII в., оставаясь не затронутыми влиянием более развитых скотоводческих народов.

В-четвертых, в условиях кочевой жизни племена скотоводов, охотников и рыболовов могли часто общаться между собой при их постоянных перекочевках с одного места на другое. Кроме того, многие скотоводческие и лесные племена жили на соседних территориях и были одн язычными. Разумеется, подобные условия должны были содействовать культурному влиянию одних племен на другие, что не могло не способствовать осуществлению процесса перехода охотничьих и рыболовческих племен к скотоводству.

В-пятых, Центральная Азия и Южная Сибирь, являющиеся колыбелью многих кочевых народов, не раз становились ареной их кровавых столкновений. Такие ожесточенные войны кочевых племен были вызваны объективными условиями их жизни. В частности, гололедица, засуха и нехватка пастбищ для скота становились причинами частых распрей кочевых племен, из-за которых происходила миграция населения.

При интенсивной миграции из Центральной Азии и Южной Сибири различных народов в поисках лучших условий для кочевой жизни степные и лесостепные зоны Предбайкалья и Забайкалья с их богатыми пастбищами, бесспорно, должны были использоваться в тот период скотоводческими племенами. Значит, можно предположить, что на территории обитания лесных племен с древнейших времен жили скотоводы. Это подтверждается, например, тем, что миграция скотоводческих племен происходила даже непосредственно из земель, находящихся на территории расселения лесных племен монголов в XI—XIII вв. Так, курыканы, составившие основное тюркское ядро якутской народности, переселились в Якутию из бассейна верхнего течения реки

Лены и из Приангарья, предположительно в X—XII вв., когда их сменяют в Прибайкалье древнемонгольские племена, пришедшие из-за Байкала[43]. Вероятно, курыкан, имеющих развитую скотоводческую культуру и знакомых с кузнечным делом, земледелием и письменностью, могли вытеснить только более сильные и организованные скотоводческие, а не охотничьи и рыболовческие племена.

Следовательно, более развитый и выгодный скотоводческий уклад хозяйства должен был вытеснить у лесных племен монголов охотничий и рыболовческий виды производственной деятельности значительно раньше XIII в.

Кроме того, в монголоведческой литературе доказано, что у монголоязычных народов сяньби, жужаней, киданей и прочих, занимавшихся скотоводством, существовали раннефеодальные государства. Их родственная связь с монгольскими народами, жившими позже по времени, прослеживается отчасти на материалах языка и культуры. Кстати, из данных Рашид-ад-дина становится ясно, что ойраты, входившие в состав лесных племен монголов, были также монголоязычными и почти не имели различий в языке и культуре с основными монгольскими племенами, занимавшимися скотоводством. Обоснованность этого положения в настоящее время подтверждена лингвистическими и историческими исследованиями. Указанное сходство в языке и культуре, вероятно, в какой-то мере могло быть обусловлено близостью хозяйственного уклада ойратов с другими скотоводческими раннемонгольскими племенами и народами не только в XI—XIII вв., но и в глубокой древности.

Далее при выделении среди монгольских племен скотоводов и звероловов Б. Я. Владимирцов[44] и Г. Н. Румянцев[45] особое внимание уделяют жилищам монгольских племен. Например, Г. Н. Румянцев пишет, что «жилище степных монголов составляли войлочные юрты, а лесных звероловов — шалаши»[46]. Действительно, монгольские племена в период XI—XIII вв. могли жить в войлочных юртах и шалашах. Это объясняется тем, что не во всех местностях обитания монгольских племен из-за климатических условий можно было развивать овцеводство, которое являлось основным поставщиком сырья для выделки войлочных юрт. По этой причине отдельные монгольские племена даже при наличии у них кочевого скотоводства, за исключением овцеводства, могли жить в жилищах типа шалашей. Так что разновидности жилья не могут служить устойчивым

признаком для выделения среди монгольских племен скотоводов и звероловов. Конечно, разнородные монгольские племена не могли иметь однотипный вид хозяйственной деятельности. Одни племена преимущественно могли разводить крупный рогатый скот, другие — овец, третьи — коней и т. д.

Наше утверждение вовсе не означает, что лесные племена занимались только скотоводством и были не знакомы с такими отраслями хозяйства, как охота и рыболовство. Им могло быть известно и то, и другое. Но скотоводство, очевидно, имело в хозяйстве лесных племен основное значение, а охота и рыболовство — побочное.

Вместе с тем, из-за отсутствия достоверных данных о лесных племенах монголов, которыми в достаточной мере не располагает современная историческая наука в области монголоведения, трудно сказать что-либо более конкретное по рассматриваемой проблеме.

Итак, этноним «ойрад» имеет ясно ощутимые лексические связи с фразеологизмом **ой арад**, достаточно явно напоминая его по форме и содержанию. Вместе с тем связь между этнонимами **ойрад** и **огуз** устанавливается путем предположения, а также они имеют расхождения в значениях. Лексема **ойрад** употребляется в качестве названия определенного монголоязычного племени, а **огуз** является этнонимом одного из древнетюркских народов. Слово **ойрад** не образовалось от наречия **ойро**, ибо это противоречит историческим и лингвистическим фактам.

Таким образом, предположение Д. Банзарова относительно этимологии слова **ойрад** на сегодняшний день является наиболее обоснованным. Следует добавить, что слово **ойрад** и сочетание **һой-йин ирген** не возникли как социальные термины, а образовались как обозначения монгольских племен по месту их обитания.

Этимология фразеологизма зээгэтэ аба. Монгольскими племенами большое значение придавалось облавному виду охоты, который «преследовал не одни хозяйственные цели, но и задачи военной тренировки»[47]. Такой вид охоты у халха-монголов назывался **анг аба**[48], «**зээгэтэ аба** — у западных бурят и **абай хайдаг** — у восточных»[49]. О происхождении термина «зээгэтэ аба» писали такие востоковеды, как М. Н. Хангалов, И. А. Подгорбунский, С. П. Балдаев, проф. Т. А. Бертагаев и др.

М. Н. Хангалов объясняет данный термин как охоту на росомах, утверждая, что его первый компонент **зээгэтэ** производится от слова **зээгэн** — росомаха, а второй — **аба** означает «охота»[50]. И. А. Подгорбунский считает, что **зээгэтэ**—компонент этого составного термина—произошел от слова **зээгэ** «обжора», а все сочетание переводит как «охоту с наеданием»[51]. С. П. Балдаев опровергает мнение М. Н. Хангалова и придерживается утверждения И. А. Подгорбунского[52].

В отличие от этих авторов проф. Т. А. Бертагаев полагает, что слово **зээгэтэ** «...произошло от **зээг**, которое означает в современных западно-бурятских говорах «волосяную веревку, обтянутую в юрте вокруг четырех столбов» с известным шаманским культово-ритуальным значением, а в халхаском языке «обшивку вокруг чего-либо». Отсюда **зээгэтэ аба** означает «облаву (аба), произведенную в виде обтянутой веревки вокруг чего-либо» или же «облаву по кругу», что и говорит о коллективном характере ее»[53].

В данном случае у нас нет возражений против того, что второй компонент **аба** разбираемого сочетания, который встречается в древнетюркском и старомонгольском языках, объясняется указанными авторами как охота.

Между тем мы не согласны с утверждениями о происхождении слова **зээгэтэ**. По нашему предположению, указанное слово заимствовано бурятским языком из тувинского. Такая гипотеза подтверждается следующими аргументами.

Во-первых, слово **зээгэтэ** по своему внешнему оформлению и содержанию больше походит на тувинское **сегит**[54] — облава, чем на бурятские **зээгэ, зээгэн** и **зээг.**

Во-вторых, незначительные фонетические различия тувинского **сегит** и бурятского **зээгэтэ** вполне объяснимы по законам грамматики второго из этих языков.

Так, в монгольских языках наблюдаются случаи чередования звуков **з** и **с**. Например, монг. **сүзэг** ~ монг. **сүсэг** — вера, набожность, религиозность; бур. диал. **зурба** ~ бур. диал. **сурба** — голый, раздетый (обычно о детях); бур. **эх. зами** ~ бур. **сами** — пах; бур. **үзэг** ~ бур. **үсэг** — буква[55]. Следовательно, согласный **с** тувинского слова **сэгит** при переходе в бурятский язык в результате чередования вполне мог замениться звуком **з**.

Далее, в исконно бурятских словах после палатализованных согласных **с** и **з** не употребляется гласная **е**, поэтому

в процессе заимствования гласный е первого слога тувинского **сегит** в бурятском мог переходить в э. Затем могла произойти замена этого краткого гласного э долгим **ээ**, так как для бурятского языка вообще характерно чередование долгих и кратких гласных э и ээ. Например, бур. **зэлэ** ~ бур. **зээли** — веревка из кожаного волоса; бур. диал. **эбии** ~ бур. диал. **ээбии**—мать, бабушка; бур. **иишэ**~бур. диал. **иишээ** — сюда[56]. Относительно замены краткого гласного э долгим ээ В. И. Рассадин отмечает, что в тюркско-бурятских пареллелях встречаются случаи, когда в бурятских словах гласные первого слога произносятся более протяжно, чем в тюркских соответствиях[57].

Кроме того, в отличие от древнетюркских языков в бурятском почти не встречаются основы слов, оканчивающиеся на согласный т, поэтому заимствованные слова, имеющие конечные **т**, в бурятском языке принимают после него гласные. Например, русские слова «фрукт», «тракт», «артист» и «велосипедист» при переходе в бурятский язык стали произноситься как **фруктэ, тракта, артиста, велосипедистэ.** По этой причине в конце тувинского **сегит** при его проникновении в бурятский язык мог появиться гласный **э.**

Наконец, появление гласного «э» после согласного **«г»** в бурятском **зээгэтэ** вместо **«и»** тувинского **сегит** можно мотивировать законом гармонии гласных, характерным для бурятского языка.

В-третьих, указанное слово в тюркских языках имеет множество однокоренных слов. Например, древнетюрк. **сек**[58] — прыгать, подпрыгивать, быстро идти; древнетюрк. **секирт**[59] — заставить скакать, прыгать; древнетюрк. **секит**[60] — заставлять прыгать, скакать, подгонять; древнетюрк. **секри**[61] — прыгать, скакать; древнетюрк. **секрит**[62] — заставить прыгать, скакать; тув. **сегир**[63] — хватать, схватывать; тув. **сегирт**[64] — устраивать облаву; тув. **сегиртилге**[65] — облава; тув. **секиртиишкин**[66] — облава; тув. сегиртикчи[67] — загонщик (на облавной охоте); хак. **сегирт**[68] — заставить скакать; кирг. **сегир**[69] — прыгать, вскакивать.

Таким образом, распространенность этих слов, близких к тувинскому **сегит** — облава, в древнетюркском и в современных тюркских языках позволяет констатировать, что упоминаемое нами слово имеет исконно тюркское происхождение. Вместе с тем в монгольских языках трудно найти близкие ему по форме и значению слова. Так, разбирае-

мая лексема употребляется в бурятском языке только в составе сочетания **зээгэтэ аба** и вне его не обладает лексической самостоятельностью, поэтому в области его лексико-семантической структуры данное слово ближе тувинскому **сегит**, нежели к бурятским **зээг, зээгэн** и **зээгэ.**

Здесь уместно отметить, что слово зээгэтэ является почти прямым соответствием тувинского **сегит**, а его отношение к бурятским **зээг, зээгэ** и **зээгэн** выводится через посредство преобразования его значения и формы.

Итак, мы сделали попытку определить тувинское происхождение этого слова, выражающего понятие «облава». Теперь составной термин **зээгэтэ аба** по смыслу можно перевести как «облавная охота», а в буквальном значении — как «облава-охота».

Термин **зээгэтэ аба** является парным сочетанием слов, состоящим из двух существительных, имеющих близкие значения, но разное происхождение.

По поводу аналогичных парных сочетаний Г. А. Дегтярева на базе обширного языкового материала делает вывод, что «происхождение парных сращений древнего типа объясняется, видимо, тем, что разноязычные племена, между которыми существовала хозяйственная или политическая связь, были вынуждены в целях лучшего взаимопонимания объединить в процессе коммуникации слово из языка одного племени с равнозначным словом из языка другого племени»[70]. В частности, монгольские племена в их историческом развитии имели длительные контакты с тюркскими народностями в разных отраслях общественной жизни. Вот почему в процессе частых общений в целях обоюдного понимания общающихся сторон в результате сращения тюркского слова **сегит** и бурятского **аба**, имеющих близкие значения, образовалось сочетание **зээгэтэ аба.**

Следует также подчеркнуть, что в монгольских языках очень часты случаи образования таких сочетаний путем слияния близких или эквивалентных слов двух различных языков. Например, в старописьменном монгольском языке встречаются сочетания **бадма линхуа**[71] — лотос, **ном шашин**[72] — буддизм (букв. книга-религия) и **үлджеи хутуг**[73] — счастье, благополучие, которые соответственно образовались в результате слияния близких по значению слов санскритского, китайского, греческого, старомонгольского и уйгурского происхождения.

В заключение нужно отметить, что составной термин **зээгэтэ аба**, который встречается в языке западных бурят, мог появиться в процессе их общения с тувинцами. Это объясняется тем, что западные буряты в отличие от других монгольских племен в территориальном отношении находятся ближе к тувинцам. Время появления этого сочетания определить очень трудно, так как вопрос взаимоотношения бурятского и тувинского языков еще недостаточно освещен в лингвистической литературе[74].

О происхождении устойчивого словосочетания хас тамга. Лексическая единица старомонгольского языка **пайцзы** в значении «дощечка с надписью» является заимствованием из китайского[75].

О лексеме **пайцзы** много написано в востоковедческой литературе. Интересные сведения о слове **пайцзы** находим в исследовании Д. Банзарова «Пайзе, или металлические дощечки с повелениями монгольских ханов»[76].

Из исторических источников известно, что военачальники и сановники Чингисхана имели пайцзы, используемые ими при несении служебных обязанностей[77]. В надписях на пайцзы указывались полномочия и привилегии их владельцев[78], в них содержались различные повеления монгольских ханов.

Пайцзы изготовлялись из золота, серебра, камня, дерева и т. д.[79].

На наш взгляд, названием одной из разновидностей пайцзы в старомонгольском языке служило устойчивое словосочетание **хас тамга**[80], которое употребляется в значении «яшмовая или нефритовая печать». Лексема хас данного сочетания обозначает «яшма, нефрит», а **тамга** — печать. Компоненты указанного словосочетания встречаются в материалах древнемонгольского и древнетюркского языков.

Появление переносного значения «свастика» в сочетании **хас тамга**, по-видимому, связано с проникновением буддизма из Индии и Тибета в Центральную Азию.

В древнеиндийском религиозном культе свастика, составляющая равноконечный крест с загнутыми под прямым углом концами, считалась знаком благополучия. Его название встречается в санскритском языке[81], в котором содержатся термины, обозначающие основополагающие элементы буддизма.

Кстати, рассматриваемое слово «свастика» почти в та-

ком же виде получило распространение в некоторых индоевропейских языках, в том числе в русском.

Возникновение переносного значения «свастика» в сочетании **хас тамга** вполне объяснимо с точки зрения его семантического развития. Говоря конкретно, на яшмовой или нефритовой печати могли быть вырезаны изображения свастики. По этой причине название яшмовой или нефритовой печати могло превратиться в обозначение изображенной на ней свастики. Очевидно, здесь произошел перенос значения способом синекдохи, в результате которой целое стало называться наименованием его части.

Как известно, фашисты в Германии сделали свастику своей эмблемой. В связи с этим сочетание **хас тамга** в современных монгольских языках приобрело новое содержание, характеризующее символ насилия, бесчеловечной жестокости и мракобесия, и утратило первоначальное значение.

О семантическом изменении фразеологизма бадар аяга. В старомонгольском языке фразеологизмы, имеющие структуру подчинительных словосочетаний **ами насу** — жизнь (букв. дыхание-жизнь), **алтан гургулдаи** — соловей и **тогус шибагун** — павлин, а также парных слов **эцэгэ экэ** — родители (букв. отец-мать), **арга джали** (умение, хитрость) и **чидал күчүн** (сила, мощь) образованы путем соединения двух существительных в именительном падеже.

Приведенные типы фразеологизмов, возникшие на основе подчинительных и сочинительных словосочетаний, не имеют различий в их грамматической структуре.

Различия разновидностей устойчивых словосочетаний заключаются в их лексико-семантических особенностях. Одни из них бывают составлены словами различных лексических групп, другие — синонимами и антонимами.

По причине сходства их грамматической структуры во фразеологизмах, приведенных выше типов, сочинительные связи слов иногда могут превратиться в подчинительные.

В частности, в современном бурятском языке встречается фразеологизм **бадар аяга** — чаша для подаяний у буддийского монаха, который имеет лексико-грамматическую структуру подчинительного словосочетания. Первый компонент **бадар** данного сочетания и произошел от санскритского слова **падра** в значении «чаша, чашка, чаша для подаяний у буддийского монаха»[82].

Второй компонент встречается в древнемонгольском языке. Отсюда рассматриваемое сочетание вначале представля-

ло парное слово и его составляющие элементы употреблялись в близких значениях «чаша», обозначая разновидности одного и того же понятия.

О парных словах, образованных сочетанием синонимов, то есть близких по значению слов, Т. А. Дегтерева писала, что «...происхождение парных сращений древнего типа объясняется, видимо, тем, что разноязычные племена, между которыми существовала хозяйственная или политическая связь, были вынуждены в целях лучшего взаимопонимания объединить в процессе коммуникации слово из языка одного племени с равнозначным словом из языка другого племени»[83]. Вероятно, в данном случае в целях лучшего понимания смысла иноязычное слово **падра** «чаша для подаяний» стало употребляться в старомонгольском языке в сочетании с его синонимом **аяга**. На аналогичное явление в монгольских языках обратил внимание монгольский ученый Э. Вандуй[84].

В дальнейшем, в результате семантического изменения (метонимии), компонент **бадар** сочетания **бадар аяга**, совершенно утратив первоначальное значение «чашка для подаяний» в современном бурятском языке встречается в ином смысле. Так, в бурятском языке указанное слово **бадар** только в сочетании с лексической единицей **аяга** употребляется в значении «чаша для подаяний» и в самостоятельном виде понимается как «сбор, подаяние». Итак, в бурятском языке слово **бадар** сочетания **бадар аяга** определяет лексему **аяга,** конкретизируя ее значение. В данном случае лексемы **бадар** и **аяга** перестали быть синонимичными, близкими по значению, и относятся к разным тематическим группам лексических единиц.

Таким образом, фразеологизм **бадар аяга** в процессе своего существования претерпел определенные семантические изменения лексического состава и приобрел структуру подчинительного словсосочетания.

Итак, аналогичные способы изменения семантики и лексико-грамматической структуры характерны для многих фразеологизмов дидактических произведений.

---

[1]Доржи Банзаров. Собрание сочинений. —М., 1955. —С. 182.
[2]Там же. —С. 181.

[3]Санжеев Г. Д. Жизнь и деятельность Доржи Банзарова //К столетию со дня смерти Доржи Банзарова». —Улан-Удэ, 1955. —С. 19.

[4]Цыдендамбаев Ц. Б. Об этимологических изысканиях Доржи Банзарова//К столетию со дня смерти Доржи Банзарова. —Улан-Удэ, 1955. —С. 148.

[5]Рамстедт Г. И. Этимология имени Ойрат //Сб. в честь семидесятилетия Г. Н. Потанина». —Спб., 1909. —С. 559.

[6]Румянцев Г. Н. Примечание к «Собранию сочинений» Доржи Банзарова. —М., 1955. —С. 325—326.

[7]Банзаров Д. Собрание сочинений. —М., 1955. —С. 181.

[8]Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. —Л., 1934. —С. 156—157.

[9]Банзаров Д. Указ. соч. —С. 181; Санжеев Г. Д. Указ соч. —С. 18; Цыдендамбаев Ц. Б. Указ. соч. —С. 151.

[10]Банзаров Д. Указ соч. —С. 181.

[11]Бурятские примеры, приводимые в этом разделе, выписаны из Бурят-монгольско-русского словаря К. М. Черемисова (М., 1951).

[12]Старомонгольские примеры, приводимые в этом разделе, выписаны из «Краткого толкового словаря» Я. Цэвэла (Улан-Батор, 1966).

[13]См.: Примечание Г. Н. Румянцева к «Собранию сочинений» Д. Банзарова. —М., 1955. —С. 325.

[14]См.: Цыдендамбаев Ц. Б. Указ. соч. —С. 147.

[15]Рамстедт Г. И. Указ. соч. —С. 549—550.

[16]См.: Цыдендамбаев Ц. Б. Об этимологических изысканиях Доржи Банзарова //К столетию со дня смерти Доржи Банзарова. —Улан-Удэ, 1955. —С. 148.

[17]Древнетюркские примеры, приводимые в настоящем разделе, выписаны из «Древнетюркского словаря» (Под ред. В. М. Наделяева, Д. М. Насилова, Э. Р. Тенишева, А. М. Щербак).—Л., 1969. —С. 365.

[18]Рашид-ад-дин. Сборник летописей. —М.—Л., 1952. —Т. 1. Кн. 2. —С. 111.

[19]Его же. Сборник летописей. —М.—Л., 1952. —Т. 1. —Кн. 1. —С. 131.

[20]Там же. —С. 53.

[21]Там же. —С. 74.

[22] Г. Н. Рамстедт также указывал на возможность превращения спирантного согласного «з» древнетюркского слова **огуз** в дрожащее «р» старомонгольского **ойрад.** Следует сказать, что в принципе такое явление допускается, так как в целом ряде тюркско-монгольских параллелизмов согласный «з» древнетюркских слов в их старомонгольских вариантах бывает представлен звуком «р».

[23]Румянцев Г. Н. Происхождение хоринских бурят. —Улан-Удэ, 1962. —С. 137.

[24]С. А. Козин. Сокровенное сказание. —М.—Л., 1941. —С. 293.

[25]Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. —М., 1963. —Т. 1. —С. 24.

[26]В исторической литературе многие авторы слово **ирген** сочетания **һой-йин ирген** переводят как племя. Между тем слово **ирген** не совсем соответствует такому понятию. В современном монгольском языке слово **ирген** употребляется в значении **народ,** а в качестве обозначения понятия «племя» встречаются слова **аймаг, угсаатан, ястан** и **овогтон.** Вероятно, лексема **ирген** в данном же значении была унаследована современным монгольским языком из старомонгольского. В «Сокровенном сказании» слово **ирген** имеет значение «народ, люди», а понятие «племя, род» обозначается словами **иджагур, обок** и **оток.**

[27]Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов.—Л., 1934, —С,33.

[28]Рашид-ад-дин. Сборник летописей. —М.—Л., 1952. —Т. 1. —Кн. 1. —С. 123.

[29]Там же.

[30]Д. Банзаров. Указ. соч. —С. 170.

[31]Суффиксы **шон** и **чин** современного бурятского и старомонгольского языков равнозначны.

[32]Владимирцов Б. Я. Указ. соч. —С. 33.

[33]Румянцев Г. Н. Происхождение хоринских бурят. —С. 137.

[34]Румянцев Г. Н. Некоторые проблемы истории культуры монголов XII—XVII вв.//Материалы по истории и филологии Центральной Азии. —Улан-Удэ, 1968. —Вып. 3. —С. 150.

[35]Рашид-ад-дин. Сборник летописей. —М.—Л., 1952. —Т. 1. —Кн. 1. —С. 123.

[36]Рашид-ад-дин. Сборник летописей. —М.—Л., 1952. —Т. 1. —Кн. 2. —С. 84—85.

[37]Там же. —С. 182.

[38]Там же. —С. 88.

[39]Там же. —С. 47.

[40]См.: Румянцев Г. Н. Происхождение хоринских бурят. —С. 93.

[41]Окладников А. П. Очерки истории западных бурят-монголов. —Л., 1937. —С. 283—285.

[42]См.: Румянцев Г. Н. Происхождение хоринских бурят. —С. 141.

[43]Румянцев Г. Н. Происхождение хоринских бурят. —С. 124.

[44]Владимирцов Б. Я. Указ. соч. —С. 34.

[45]Румянцев Г. Н. Происхождение хоринских бурят. —С. 138.

[46]Там же.

[47]История Монгольской Народной Республики. —М., 1967. —С. 112.

[48] Джагун билиг. —С. 470.

[49]Балдаев С. П. Несколько замечаний о «зээгэтэ аба»//Краткие сообщения Бурятского комплексного научно-исследовательского института. —Улан-Удэ, 1962. —Вып. 4. —С. 97.

[50]См.: Изв. ВСОРГО. —1888. —№ 3. —С. 1—26.

[51]Подгорбунский И. А. Русско-монгольский словарь. —Иркутск, 1909. —С. 181.

[52]Балдаев С. П. Несколько замечаний о «зээгэтэ аба». —С. 98.

[53]Бертагаев Т. А. Лексика монгольских языков (Опыт исследования слов и фразеологических сочетаний в их номинативной функции на материалах бурятского, халхаского и других монгольских языков) —М., 1947. —С. 284.

[54]Тувинско-русский словарь. —М., 1968. —С. 371.

[55]См.: Бертагаев Т. А. Морфологическая структура слова в монгольских языках. —М., 1969. —С. 149.

[56]См.: там же. —С. 175.

[57]Рассадин В. И. Тюркизмы в халха-монгольском языке//Материалы по истории и философии Центральной Азии. —Улан-Удэ, 1970. —Вып. 1. —С. 55.

[58]Древнетюркский словарь. —Л., 1969.

[59]Там же.

[60]Там же.

[61]Там же.

[62]Там же.

[63]Тувинско-русский словарь. —М., 1968.

[64]Там же.

[65]Там же.
[66]Там же.
[67]Там же.
[68]Хакасско-русский словарь. —М., 1953.
[69]Киргизско-русский словарь. —М., 1940.
[70]Дегтерева Т. А. О некоторых историко-познавательных моментах в изучении языковых контактов//Процессы развития в языке. —М., 1959. —С. 8.
[71]Джагун билиг. —С. 49.
[72]Там же. —С. 297.
[73]Там же. —С. 293.
[74]См.: Румянцев Г. Н. Происхождение хоринских бурят. —С. 62—63.
[75]Банзаров Д. Собрание сочинений. —М., 1955. —С. 157.
[76]Там же. —С. 140—160.
[77]Там же. —С. 155.
[78]Там же.
[79]Там же. —157.
[80]Руднев А. Д. Материалы по говорам Восточной Монголии. —Спб., 1911. —С. 140.
[81]Ольдржих Фриш. Санкскритская хрестоматия. —Прага, 1956.—С. 341.
[82]Согласный «п» слова **падра** санскритского языка, по-видимому, при его заимствовании в старомонгольский перешел в «б». В старомонгольском языке согласный «п» многих заимствованных слов превращается в «б». Форморазличие в последнем слоге бурятского **бадар** и санскритского **падра** образовалось в результате метатезы звуков «р» и «а», характерных для монгольских и тюркских языков.
[83]Дегтерева Т. А. О некоторых историко-познавательных моментах в изучении языковых контактов//Процессы развития в языке. —М., 1959. —С. 8.
[84]Вандуй Э. Монгол хэлний хоршоо үгийн тухай // Шинжлэл ухаан техник. —Улаан-Баатар, 1955. — № 3.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В советском языкознании начало научной разработки фразеологии было положено известными трудами акад. В. В Виноградова. В последующие годы написаны сотни работ, посвященных анализу фразеологического состава русского и других языков народов СССР. Были подвергнуты анализу лексико-семантические, морфологические, синтаксические и стилистическое особенности фразеологизмов.

Несмотря на то, что в процессе интенсивной разработки фразеологического материала достигнуты большие результаты, по многим проблемным вопросам нет единого мнения. В связи с выявлением основных, категориальных признаков фразеологизмов в науке установилось узкое и широкое понимание объекта фразеологии. При узком понимании в ее состав включаются прежде всего фразеологизмы, эквивалентные слову; при широком — устойчивые выражения, образованные по модели предложения.

В данной работе, являющейся первым исследованием фразеологизмов старописьменного монгольского языка, применен логический метод при классификации признаков фразеологических единиц. В результате выделены следующие группы.

А. Критерийные и необходимые признаки, определяющие сущность фразеологизмов и называемые понятийными признаками. К ним относятся неоднословность, раздельнооформленность (сочетание не менее двух знаменательных слов), воспроизводимость, то есть постоянная повторяемость фразеологических единиц в одной и той же лексико-грамматической структуре.

Б. Некритерийные и необходимые признаки, называемые родовыми. Если понятийные признаки отграничивают фразеологизмы от смежных языковых единиц — слов, словосочетаний и предложений, то под родовыми понимаются признаки, имеющиеся у всех этих единиц, создающие их сходство и объединяющиеся в группе смежных, родственных понятий. К ним относятся актуальность выражаемого

ими содержания в данную иторическую эпоху, единство и целостность их значения, относительно твердый порядок расположения компонентов, невозможность произвольного изменения их лексического состава, то есть устойчивость структуры.

В. Некритерийные и произвольные признаки, называемые видовыми. В отличие от понятийных и родовых они характеризуют лишь отдельные разновидности фразеологизмов, поэтому представляют возможность для их видовой классификации. К ним относятся семантическая слитность и смысловая цельность их лексического состава (например, **йосон-у еджен** означает «Будда»). Этот признак неравномерно распределен среди отдельных разновидностей фразеологизмов и потому является некритейрийным, произвольным признаком.

По степени семантической слитности акад. В. В. Виноградов выделял три основных вида фразеологизмов русского языка: фразеологические сращения, фразеологические единства и фразеологические сочетания. Позднее Н. М. Шанский добавил еще одну группу — фразеологические выражения[1].

Во фразеологическом материале дидактических произведений по семантической слитности встречаются фразеологические единства, фразеологические сочетания и фразеологические выражения, однако в них отсутствуют фразеологические сращения.

К произвольным признакам, характеризующим лишь отдельные разновидности фразеологизмов, относятся эквивалентность фразеологизмов отдельным словам (они присущи фразеологическим единицам, образованным на базе словосочетаний и имеющим переносные значения), буквальная непереводимость, которая также присуща не всем фразеологизмам и может наличествовать и у других единиц языка.

Г. Критерийные и произвольные признаки, называемые производными. Они, как правило, выводятся из понятийных признаков. Так, понятийный признак неоднословности, раздельнооформленности фразеологизма предполагает, что к фразеологизмам следует относить лишь раздельно пишущиеся слова (**бодисади** и **боди сади** — добродетель). Ввиду того, что этот признак отграничивает фразеологизм от смежных единиц и характерен лишь отдельным фразеологиз-

мам, его можно назвать критерийным и произвольным признаком фразеологизмов.

Такая классификация признаков фразеологических единиц вводится в данной работе впервые. Эти признаки встречаются в определенной совокупности и характеризуют те или иные виды фразеологизмов.

Многие исследователи не включают в состав фразеологии устойчивые словосочетания, структурно организованные как предложения на том основании, что им не свойственно целостное лексическое значение. Однако целостность значения не является критерийным, ведущим признаком фразеологических единиц, а представляет собой видовой, произвольный признак. Вслед за Т. А. Бертагаевым и Ц. Б. Будаевым в состав фразеологии мы включили пословицы и поговорки, а также составные термины. Как указывается в последнем издании словаря лингвистических терминов, «к фразеологическим выражениям относятся поговорки и пословицы, носящие характер образной типизации, разного рода изречения, крылатые слова, а также устойчивые сочетания, выполняющие номинативную функцию (социалистическое соревнование, сторонники мира, трудовые успехи и т. п.)»[2]. Таким образом, на данном этапе изучения фразеологизмов в монголистике пока нет оснований для дифференциации паремиологии и фразеологии.

Анализ взаимоотношения фразеологизмов с другими единицами языка позволяет считать, что фразеологизмы представляют собой промежуточную лексико-грамматическую категорию между словосочетаниями и предложениями — с одной стороны, и словами — с другой.

Сравнительное изучение материала оригинальных письменных источников и данных современных монгольских языков показывает, что фразеологизмы — это лексико-грамматическая категория, развивающаяся от свободных словосочетаний и предложений к словам. Таким образом, фразеологизмы находятся в постоянном развитии: происходит стяжение и уплотнение их лексико-грамматического состава, утрата самостоятельных лексических значений компонентов и в конечном счете превращение отдельных фразеологизмов в слова. Чаще всего фразеологизмы превращаются в сложные слова, так как в структурном отношении они наиболее близки к ним.

В процессе рассмотрения проблем фразеологии дидактических произведений затронуты следующие вопросы: основ-

ные способы образования фразеологизмов, их грамматическая характеристика, фразеологические антонимы, синонимы и варианты, фразеологические эвфемизмы, исконное и иноязычное происхождение фразеологических единиц, художественно-изобразительные средства, употребляемые в них, опыт этимологизирования отдельных единиц. Приведенный материал показывает, что старописьменный монгольский язык, в частности, его дидактический жанр характеризуется богатством фразеологии, ее национальным своеобразием. Этот фонд является общим достоянием большинства монгольских языков. Народные по своему генезису и содержанию фразеологические единицы представлены и в современных монгольских литературных языках.

---

[1]См.: Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. —М., 1963. —С. 37.

[2]Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. —М., 1985. —С. 378.

ИСТОЧНИКИ И ИХ СОКРАЩЕНИЯ

«Арад-и теджигекүн дусул кемекү шастир» (сокр. «Рашийан-у дусул») —«Капля, питающая народ». Произведение, сочиненное древнеиндийским мыслителем Нагарджуна, переведенное на монгольский язык с тибетского ученым-монахом Лубсанчултэмом и опубликованное с комментариями акад. Ц. Дамдинсуреном в 1964 г. в Улан-Баторе в книге «Рашийан-у дусул-ун монгол түбед тайилбури — «Монгольско-тибетское объяснение произведения «Капля рашияна».

«Аргасун хугурчи-йин домог» —«Легенда о скрипаче Аргасун»//Джагун билиг. —С. 36—38.

«Аяа, охин чи янагш сонс»—«Ах, услышь ты, любимая девушка». Произведение, написанное монгольским поэтом XIX века Д. Равжа и представленное в его собрании сочинений//Д. Равжа. Зохиолын эмхтгэл. —Улан-Батор, 1962. —С. 339.

«Аяа уул олон боловч хэмээх сургаал»—«Поучение под названием «Эх, хоть много гор»//Д. Равжа. Зохиолын эмхтгэл.—Улан-Батор, 1962. —С. 276—278.

«Богда Чингис-үн магтан сургагсан шастира»—«Шастра с поучительными восхвалениями святого Чингиса»//Джагун билиг.—С. 47—50.

«Бяцхан хөвгүүндээ зорнулсан сургаал»—«Поучение, посвященное маленькому сыну//Д. Равжа. Зохиолын эмхтгэл.—Улан-Батор, 1962. —С. 317—320.

«Гал-ун ирүгел-үн судур орушибаи»—«Сутра о благопожелании огню»//Джагун билиг.—С. 117—120.

«Гал-ун такилга»—«Поклонение огню»//Джагун билиг.—С. 110—112.

«Гал такиху йосун»—«Обычай поклонения огню»//Джагун билиг.—С. 112—117.

Голстунский К. Ф. Монгольско-русский словарь. —Л., 1938.—Т. 1—3.

«Гүнг-үн джу-йин гегеген-ү алтан сургал орушибаи» (сокр. «Алтан сургал») —«Золотые поучения гэгээна из Гунгийн дзуу»//Джагун билиг. —С. 548—556. Автор: монгольский монах 20-го столетия Данзанванжил.

«Йерү хара гертен-ү анхарун абху сургал-нугуд орушибаи»—«Поучения, посвященные вниманию мирян». Личная коллекция автора.

«Кебеи ванг-ун аджу түрүкүи-йн джигагсан сургал болан» (сокр. «Кебеи ванг-ун сургал»)—«Поучение Кэбэй вана о том, как вести хозяйство»//Ш. Нацагдорж. То ван түүний сургаал. — Улан-Батор, 1968. —С. 119—165. Автор: советник управления аймаком Цэцэн-хана монгольский князь XIX столетия То ван.

Козин С. А. Сокровенное сказание. М.—Л., 1941.

Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951.

Мишиг Л., Содном Б. Монгол ардын зүйр үг.—Улан-Батор, 1956.

«Монггол уран джокийал-ун дегеджи джагун билиг орушибаи» (сокр. Джагун билиг)—«Сто избранных образцов монгольской литературы». Хрестоматия, составленная монгольским ученым акад. Ц. Дамдинсуреном и опубликованная в 1959 г. в Улан-Баторе.

Намсараев Х. Н. Үурэй толон.—Улан-Удэ, 1959.

«Пиген үсүг-үн ердем кемеку сургал»—«Поучение «Знамя одной буквы»//Джагун билиг.—С. 465—468.

«Ноен хутагтын сургаал»—«Поучение святого господина»//Д. Равжа. Зохиолын эмхтгэл.—Улан-Батор, 1962. —С. 355—359.

«Ойун түлкигүр»—«Ключ разума»//Джагун билиг. —С. 51—58.

«Олон хөгшид, хүүхдийн хэлэлцдэг үгсийн товч хэмээх сургаал»—«Поучение под названием «Содержание разговора многих бабушек и детей» //Д. Равжа. Зохиолын эмхтгэл.—Улан-Батор, 1962.—С. 301—308.

«Сав ертөнц»—«Мир-вместилище»//Д. Равжа. Зохиолын эмхтгэл. —Улан-Батор, 1962.—С. 324—325.

«Седкил-н амарагагчи сургал»—«Поучение, успокаивающее душу»//Д. Равжа. Зохиолын эмхтгэл. —Улан-Батор, 1962.—С. 448—452.

«Товч үгс»—«Сокровенные слова»//Д. Равжа. Зохиолын эмхтгэл. —Улан-Батор, 1962.—С. 332—333.

«Тодурхан толи кемеку сургал орушибан»—Поучение «Ясное зерцало» //Джагун билиг. —С. 454—458.

«Тоти шибагун-у сургал»—«Поучение попугая»//Джагун билиг.—С. 468—472. Автор: монгольский монах Тообаагиин гэгээн.

«Хавар цагийн зугаа хэмээх сургаал»—«Поучение под названием «Веселье весеннего времени»//Д. Равжа. Зохиолын эмхтгэл —Улан-Батор, 1962.—С. 309—316.

«Хойар йосун-у абуху угураху-йи үгүлэгчи билиг-үн толи кемегдеку» (сокр. «Билиг-үн толи»)—«Зерцало мудрости, разъясняющее принимаемое и отвергаемое по двум законам». Произведение, написанное бурятским ученым-монахом И. Гальшиевым на тибетском языке в начале XX века, переведенное на старомонгольский язык его учеником Ч. Ванчуковым и опубликованное с комментариями Ц. А. Дугарнимаевым в книге «Зерцало мудрости» в Улан-Удэ в 1966 г.

«Хутуггу гурбан ердени-дур итигел йабагулху судур» (сокр. «Итигел») —«Сутра о вероисповедании трех святых сокровищ». Личная коллекция автора.

Цыбиков Г. Ц. Лам-рим Чем-по—Низшая степень общего пути.—Владивосток, 1913.—Т. 1.—Вып. 2.

«Чагасун шибагу»—«Бумажная птица»//Джагун билиг.—С. 438—445.

«Чингис богда-йин джокийагсан алтан тобчи кемеку шастир (сокр. Алтан тобчи)—«Шастра «золотая пуговица», сочиненная святым Чингисом». Произведение, которое содержится в сборнике «Олан джүил-үн сургал шилүг домуг ба ирүгел джерге-йин ном дебтер»—«Книга, содержащая много разных поучений, стихов, легенд, благопожеланий и т. п.». Труд составлен ученым-монахом Лубсаном и хранится в рукописном фонде Государственной библиотеки МНР.

«Чингис богда-йин джокийагсан ойун түлкигүр кемеку шастир орушиба» (сокр. «Ойун түлкигүр»)—Шастра под названием «Ключ разума», сочиненная святым Чингисом. Коллекция РО БИОН БФ СО АН СССР, инв. № 654.

«Чинггис-үн йисүн үрлүг-тен үнүчин күбегүн-ү сечелегсен шастир» — «Шастра о мудрых беседах мальчика-сироты с девятью богатырями Чингиса»//Джагун билиг. —С. 39—42.

«Чинггис-үн хойар ере джагал-ун тугуджи орушибаи»— «Повесть о двух скакунах Чингиса»//Джагун билиг.—С. 60—68.

«Шавь-нартаа зориулсан сургаал»—«Поучение, посвященное ученикам» //Д. Равжа. Зохиолын эмхтгэл.—Улан-Батор, 1962.—С. 326—329.

«Еке кеүкен хойар-ун харилчагсан дагулал»—«Разговор матери с дочерью»//Джагун билиг.—С. 569—574.

«Енедкег-үн орон-у арджи бурджи хаган-у судур-ун тууджи орушиба» (сокр. «Арджи бурджи»)—«Повесть с биографией индийского царя Арджи бурджи». Личная коллекция автора.

«Ердени-йин санг субашиди» (сокр. «Субашиди») — «Сокровищница драгоценностей Субашиди». Произведение, написанное в XIII в. тибетским автором Гунгаджалцаном, переведенное на старомонгольский язык в XVIII в. монгольским ученым-монахом Лубсанчултэмом и опубликованное в 1957 г. Органом народной печати Внутренней Монголии.

«Ердени-йин тобчи» (букв. «Драгоценная пуговица») — историческое сочинение, написанное монгольским ученым в XVIII в. Саган Цэцэном/ Ердени-йин тобчи.—Улан-Батор, 1961.

Я. Цэвэл. Монгол хэлний товч тайлбар толь.—Улан-Батор, 1968.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

бур. — бурятский язык

бур. эх. — эхиритский диалект бурятского языка

диал. — диалектный

др.-монг. — древнемонгольский язык

др.-тюрк. — древнетюркский язык

кирг. — киргизский язык

кит. — китайский язык

маньчж. — маньчжурский язык

монг. — монгольский язык

орх. — язык тюркоязычных орхонских надписей

санскр. — санскритский язык

стп.-монг. — старописьменный монгольский язык

х.-монг. — халха-монгольский язык

тув. — тувинский язык

хак. — хакасский язык

ОГЛАВЛЕНИЕ

Шираб-Нимбу Ринчинович
ЦЫДЕНЖАПОВ

Фразеологизмы
старописьменного монгольского языка

Редактор ред.-изд. отдела
Л. Д. ШЕСТАКОВА

Редактор издательства
Д.-Ц. Ш. ШОЙДОКОВ

Художник
О. Д. ЦЫРЕМПИЛОН

Корректоры
Т. М. КУШНАРЕВА, З. З. АРДАНОВА, Д. Д. ЛЫГДЕНОВА

Технический редактор
А. С. САНГАЕВА

ИБ № 2325

Сдано в набор 14.12.89. Подписано в печать 15.05.90. Формат 60x84 1/16. Бумага писчая № 1. Гарнитура школьная. Печать высокая. Усл. п. л. 6,74. Усл. кр.-отт. 6,85. Уч.-изд. 6,96. Тираж 1000. Заказ № 634. Цена 1 руб. 40 коп.

Бурятское книжное издательство, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Советская, 25.

Закаменская типография Государственного комитета Бурятской АССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 671930, г. Закаменск, ул. им. Кирова, 8.

1 р. 40 к.